

В. Д. ЕСАКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК В XX СТОЛЕТИИ

Почти трехвековая история Академии наук неотделима от истории отечественной науки и культуры, велик ее вклад в развитие российской экономики. От этапа к этапу менялись направления и характер работы Академии, расширялся круг исследовательских задач, рос ее научный потенциал. Российские ученые вносили все более возрастающий вклад в развитие отечественной и мировой научной мысли, виднейшие представители отечественной науки входили в состав действительных членов Академии наук. Особенно радикальные изменения произошли в отечественной науке в XX в.

Выдающийся русский естествоиспытатель и историк науки академик В. И. Вернадский еще в канун Первой мировой войны в очерках по истории науки в России отмечал такие ее характерные черты, как непрерывность научного творчества в России с начала XVIII в., неразрывная связь научного творчества и научного образования, определяя научное творчество составной частью национальной культуры, как единство процессов развития научной мысли и общеобязательность научных результатов. Констатируя это, В. И. Вернадский с грустью отмечал: «История Академии наук не только не написана, она не осознана русским обществом»¹. Этот вывод может быть поспорен и сегодня.

В 1999 г., в самом конце XX века, – века мировых войн, социальных потрясений и научно-технического прогресса, отмечалось 275-летие основания Российской академии наук. Академический юбилей – хороший повод, чтобы подвести итоги уходящего века. В юбилейных статьях, посвященных Академии наук, отмечался ее вклад в развитие России; ее роль в формировании отечественного научного сообщества; создании национальной системы образования; в исследовании, освоении и развитии производительных сил России; превращении самой науки в одну из важнейших производительных сил общества, укреплении обороноспособности и национальной безопасности страны; участии в государственном строительстве, а также роль Академии наук как центра национальной духовно-интеллектуальной культуры и ее вклад в развитие мировой культуры и цивилизации². К числу характерных черт истории Академии наук следует отнести роль субъективного фактора в ее организации и деятельности и неразрывную связь истории науки в России с ходом изменчивой государственной политики.

При успешной и плодотворной деятельности научных учреждений РАН и ее сотрудников, их реального вклада в разработку практически всех областей знания и передовых технологий, следует признать, что остается еще область

¹ Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 205.

² Платэ Н. А. Юбилей Российской академии наук // ВИАТ. 1999. № 1. С. 5–11.

исследований, которая, к сожалению, разработана весьма слабо, – это история самой Российской академии наук.

В течение XX в. было предпринято несколько попыток разработки истории Академии наук. Так остались незавершенными проект создания истории Академии к 1914 г. – к 25-летию президентства великого князя Константина Константиновича и результат деятельности в 1917–1919 гг. под руководством академика А. С. Лаппо-Данилевского комиссии РАН «Русская наука», ставившие целью показать, «что внесено русскою наукою в общую сокровищницу знаний»³. В 1945 г. к 220-летию и в 1974 г. к 250-летию основания Академии наук были подготовлены лишь краткие очерки ее истории. Попытка создания 3-томной истории Академии наук отмечена выходом в 1958 г. и 1964 г. двух томов по дореволюционному периоду, а усилия по завершению создания истории Академии за советский период оказались бесплодными. Причины тому – идеологический диктат правящей партии, насаждение чрезмерной секретности и отсутствие доступа к архивным материалам. Эти обстоятельства наложили отпечаток на характер изложения истории Академии наук в двух вышедших томах. Безуспешной оказалась попытка приступить к созданию академической истории и в начале 1990-х гг.

К 275-летию основания Академии наконец полностью был издан списочный состав Академии в трех томах, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН подготовил «Летопись Академии наук» и сборник статей «Российская академия наук: 275 лет служения России», а Санкт-Петербургский научный центр выпустил четыре сборника материалов международной конференции «Петербургская академия наук в истории академий мира». По итогам этих юбилеев издавались материалы торжественных заседаний. К юбилею 300-летия основания Санкт-Петербурга в 2003 г. под редакцией академика Ж. И. Алферова была издана книга «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVII–XX веках. Исторические очерки». Книга представляет собой совокупность кратких очерков о зарождении и развитии в городе академической науки и не может претендовать на освещение истории Академии наук. Достоинством издания является освещение становления и развития Санкт-Петербургского научного центра.

Даже среди поставленных вопросов по истории Академии наук остается еще немало дискуссионных или недостаточно раскрытых проблем. Остановимся на некоторых из них.

О наименовании Академии

В дни юбилейных торжеств Академия (до Февральской революции 1917 г.) именуется как Санкт-Петербургская Императорская академия наук. Но это название неточно. По петровскому «Положению» она – «Академия наук и художеств». По «Регламентам» 1749 г. – «Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге», а 1803 г. – просто «Академия наук». По Уставу 1836 г. – «Санкт-Петербургская академия наук». Название Санкт-Петербургская Императорская академия наук, где «императорская» практически синоним «государственная», вошло в обиход при Николае I после объединения в 1841 г. Академии

³ Есаков В. Д. Русская наука, 1917 год. (Нереализованный проект) // Крайности истории и крайности историков. Сб. статей. М., 1997. С. 102.

наук и Российской академии. Думается, что в исторических трудах можно воспользоваться самоназванием, его использовало новое создающееся научное сообщество в приглашении на свое первое публичное собрание 27 декабря 1725 г., где она названа «Академия наук РОССИЙСКАЯ»⁴. Поэтому можно говорить об основании и деятельности Российской академии наук, которую длительное время называли то «императорской», то «всесоюзной».

С момента своего создания, с первого заключенного контракта с иностранным ученым, наука в России находилась в полной зависимости от власти: от «высочайшего» благоволения, от государственного финансирования, от расположения разрастающейся бюрократии, всегда являвшейся преградой на пути между наукой и властью, паразитируя на успехах научного творчества.

Непросто было во все времена и приобщение к научной деятельности из-за сословных ограничений, классовых принципов и трудных социальных условий. Развитие науки и рост числа ее тружеников определялись талантом народа, страстью к познанию и беззаветным служением Отечеству. В истории российской науки не было деятелей, сколь-нибудь политически, экономически и идеологически независимых от власти. Нарождавшиеся в начале XX в. ростки объединений научной общественности и меценатов для независимого научного творчества не получили своего развития и были сметены революцией.

О почетных членах Академии

Положение науки и ученых всецело зависело от отношения к ним первых лиц государства. Известно, что наряду с несомненным вкладом в развитие разрабатывавшихся отраслей знания первые академики в России огромные усилия тратили на обслуживание императорского двора, на славословия и удовлетворение его прихотей.

С утверждением Академии как мирового научного центра, ростом числа академиков из сообщества отечественных ученых возмужало и желание правителей приобщиться к ее свершениям. И у Академии наук не было иного выхода, как пойти навстречу этим желаниям, что наглядно проявилось в 1776 г. в связи с празднованием ее 50-летнего юбилея. До этого времени звания почетных членов присваивались лишь иностранным ученым после окончания их контрактов и возвращения на родину или перехода на административные должности. Большинство президентов Академии в XVIII в. были почетными членами.

Впервые статус почетных членов определяется Регламентом 1747 г. «Почетным членам быть при Академии, – говорилось в нем, – и исправлять должность также академиков, а именно: посылать к ним трудные академические изобретения для освидетельствования и от них требовать их собственных изобретений в науках, а обязать их к тому небольшим жалованьем, то есть не свыше двух сот рублей». Жалованье академиков по тому регламенту выплачивалось в размере от 1000 до 1800 рублей. Предусматривалось иметь почетных членов не более 10 человек и следить за тем, «чтоб во всех европейских знатнейших государствах по одному было, дабы Академия из всех мест Европы иметь могла корреспонденцию». Кроме того, президенту предоставлялось

⁴ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 31.

право без оплаты принимать в почетные члены «всяких наук ученых и славных людей, также и знатных персон как Российского, так и чужестранных государств»⁵.

В дни полувекового юбилея Академии ее почетными членами стали временщики Екатерины II, «опора трона» – А. А. Вяземский, граф Г. Г. Орлов, князь Г. А. Потемкин-Таврический, граф П. А. Румянцев-Задунайский, граф А. С. Строганов и др. В состав Академии были впервые введены и видные деятели церкви. Почетным членом стал и великий князь Павел Петрович – будущий император Павел I. Изменения произошли и в составе иностранных членов, среди которых наряду с истинными учеными впервые появился и европейский монарх – прусский король Фридрих II. На следующий год почетными членами стали польский король Станислав Понятовский, шведский король Густав III и др.

Регламентом 1803 г. и Уставом 1863 г. требования к почетным членам были смягчены, от них уже не требовалось выполнения должностных обязанностей академиком. Они более четко были подразделены на почетных российских и почетных иностранных членов. Российские почетные члены «состоят из неопределенного числа знатных особ, которые своими познаниями и любовью к наукам возбуждают в Академии желание принять их в члены, а также из неопределенного числа российских ученых, известных с хорошей стороны своими сочинениями, относящимися к какой-либо из наук, коими Академия занимается». Иностранные почетные члены «состоят из известнейших своей ученостью чужестранцев, от присоединения которых Академия, отдавая сим образом принадлежащую честь достоинству, могла бы вместе заимствовать себе славу и доставить некоторое содействие, хотя посредством корреспонденции; число их не должно превышать 50-и»⁶. Ограничение количества иностранных почетных членов было связано с тем, что по штату состав Академии был определен в 38 действительных членов (ординарных академиком и адъюнктов). Никаких обязанностей на почетных членов Академия не возлагала. На торжественных собраниях почетные члены, находящиеся в Санкт-Петербурге, располагались вместе с действительными членами. Оставаясь под высочайшим покровительством, по Уставу 1803 г. Академия наук была передана в ведение Министерства народного просвещения.

В XIX в. все президенты Академии – Н. Н. Новосильцев, С. С. Уваров, Д. Н. Блудов, Ф. П. Литке, Д. А. Толстой и великий князь Константин Константинович – были ее почетными членами. В 1826 г. в дни торжественного празднования 100-летия Академии наук почетными членами стали члены царской семьи во главе с Николаем I и влиятельные сановники. Эта процедура доходила до абсурда – наследник престола, будущий император Николай II, как и его дед Александр II, утверждались почетными членами в возрасте 8 лет⁷. Среди удостоенных избрания почетных членов можно назвать историка Н. М. Карамзина, дипломата В. П. Кочубея, государственного деятеля М. М. Сперанского, министра финансов Е. Ф. Канкрин, шефа жандармов графа А. С. Бенкендорфа, заместника на Кавказе князя И. Ф. Паскевича-

⁵ Уставы Академии наук СССР. 1724–1974. М., 1974. С. 42–43.

⁶ Там же. С. 78, 108.

⁷ Российская академия наук. Персональный состав. В 3 кн. М., 1999; Кн. 1. 1724–1917. С. 269, 234.

Эриванского, заводчика П. И. Демидова – учредителя Демидовской премии при АН, канцлера графа К. В. Нессельроде, министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова, богослова Ф. Г. Амфитеатрова (митрополита Филарета), писателя М. М. Загоскина, государственного деятеля графа П. Д. Киселева, мореплавателя графа Е. В. Путянина, военного инженера Э. И. Тотлебена, дипломата князя А. М. Горчакова, губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского, путешественников П. П. Семенова-Тянь-Шанского и Н. М. Пржевальского, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, государственного деятеля графа С. Ю. Витте, историка и юриста Б. Н. Чичерина, археолога П. С. Уварову, юриста А. Ф. Кони и др. Звания почетного члена Академии наук удостоивались зарубежные монархи, папа римский.

В начале XX в. почетными членами избраны поэт А. М. Жемчужников, писатели В. Г. Короленко, А. П. Чехов, П. Д. Боборыкин, И. В. Бунин, драматург А. В. Сухово-Кобылин, философ В. С. Соловьев, критик В. В. Стасов и др. В 1917 г. повторно избран писатель А. М. Пешков (М. Горький), а также почетными членами стали режиссер К. С. Алексеев (Станиславский), актер А. И. Сумбатов-Южин, государственный деятель П. Н. Игнатьев и юрист Н. С. Таганцев.

Почетные члены оставались полноправными членами Академии и по уставам Академии наук СССР, утвержденным Советом Народных Комиссаров СССР в 1927, 1930 и 1935 гг. Ими могли быть избраны «ученые, как граждане Союза ССР, так и иностранцы, обогатившие науку трудами мирового значения», но оговаривалось – «за исключением лиц, проявивших враждебное отношение к революционному движению пролетариата»⁸.

В период с 1920 г. по 1946 г. избрания почетными членами удостоен всего 21 человек. В 1930-е гг. на это звание стали выдвигать не только ученых, но и известных общественных деятелей. В 1931 г. вместе с языковедом Э. К. Пекарским почетным членом АН СССР была избрана Н. К. Крупская, в 1932 г. – Н. А. Морозов, в 1935 г. – И. В. Мичурин. Следующее избрание состоялось в 1939 г., когда это звание было присвоено географу Ю. М. Шокальскому и И. В. Сталину. В 1940 г. этого звания удостоен микробиолог Н. Ф. Гамалея. Последний раз по этому поводу АН СССР голосовала в 1946 г., когда звание «почетный академик» присвоили В. М. Молотову. После известного выговора Сталина «государственному деятелю высшего типа» за то, что он подписал телеграмму с благодарностью Академии за избрание: «Ваш В. Молотов»⁹, почетные члены больше не избирались. Последнее избрание почетными членами иностранных ученых состоялось в 1942 г. В уставах Академии наук СССР 1959 г. и 1963 г. положение о почетных членах отсутствует.

Есть основание полагать, что, исходя из целей и задач современного этапа развития, Российская академия наук может вернуться к вопросу о возможности включения в свой состав почетных членов. Конечно, статус выдвижения и избрания «знатных персон» в состав Академии заслуживает тщательной

⁸ Уставы Академии наук СССР... С. 123, 132, 144.

⁹ Гласность. 1991. № 43. 24–30 октября. С. 7; Есаков В. Д. Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 18–19.

разработки. Из опыта первых лет ее существования можно было бы заимствовать один из принципов – в случае привлечения действительного члена Академии к административной деятельности он автоматически переводится в разряд почетных членов.

Об изменении состава членов Академии наук

XIX век – век дальнейшего развития науки, век, по выражению В. И. Вернадского, «неуклонного роста научного миропонимания»¹⁰. В его второй половине произошло решительное изменение в составе Академии наук. Если в 1836 г. – при утверждении Устава АН – среди академиков были 4 русских, 8 русских немецкого происхождения и 11 иностранцев по рождению, то в 1841 г. после объединения с Российской академией, состоявшей почти целиком из деятелей русской словесности и писателей, это соотношение резко изменилось 22–9–13, а к 1914 г. в состав Академии входили уже 34 русских деятеля науки, только 2 русских ученых немецкого происхождения и 3 научных работника – иностранцы по рождению. По свидетельству Вернадского, последний академик – иностранец по месту рождения был выбран в 1884 г., и то это был давно уже русский подданный¹¹. Он имел в виду востоковеда В. В. Радлова.

Германия и ее ученые внесли важный вклад в становление многих направлений российской науки. Они были первыми, кто осознал и признал достижения российских ученых в развитии научного знания. В канун Первой мировой войны российско-германские отношения развивались по установившейся традиции. Велась регулярная переписка между учеными, шел обмен научными статьями для периодических изданий и тематических сборников, ученые проходили стажировку в германских научных учреждениях и т. д. Война привела к трансформации русско-германских научных связей¹².

Уже в начале войны в научной среде воюющих государств наметился рост шовинизма. Произошел раскол еще недавно тесно взаимодействующей европейской научной интеллигенции. 31 октября 1914 г. Совет министров России принял постановление об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений всех германских подданных. Для обсуждения ситуации, возникшей в связи с этим постановлением, лишь через четыре с половиной месяца было создано экстраординарное Общее собрание Санкт-Петербургской академии наук, проходившее 14–15 марта 1915 г. Общее собрание приняло специальный документ, который назывался «Записка по вопросу об исключении из состава Академии всех неприятельских подданных, кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения». Эта записка определила позицию российских академиков и явилась чрезвычайно своеобразным документом, свидетельствующим о том, как научное сообщество России

¹⁰ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 186.

¹¹ Вернадский. Труды по истории науки в России... С. 245.

¹² Подробнее об этом см.: Jessakow, W. Die Petersburger Akademie der Wissenschaften und der Umbruch in den russisch-deutsch Wissenschaftsbeziehungen 1914–1917 // Wuppertal-Bochumer Projekt über Russen und Deutsche in 20. Jahrhundert unter Leitung vor Karl Eimermacher. Bd. 1: Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche in Ersten und Zweiten Weltkrieg. München, Wilhelm Fink Verlag. 2005. S. 531–549.

относилось к национальной принадлежности лиц, работавших в его составе, а также к деятелям науки, чей вклад в развитие научного знания получил признание введением их в состав почетных членов и членов-корреспондентов высшего научного учреждения Российской империи. Российские академики ответили на вопрос об исключении отрицательно.

В записке говорилось, что если бы Петербургская академия исключила всех

неприятельских подданных, числящихся в ее списках, при чем ее действительные члены, конечно, должны были отказаться от почетных званий, предоставленных им учреждениями германскими и австро-венгерскими, то по восстановлении мира Академия и русская наука встретили бы такие затруднения в пользовании средствами международного сотрудничества, каких не испытывала бы научная деятельность наших союзников. То изолированное положение, в котором бы оказалась Академия, прибегнув одна к мере огульного исключения, неизбежно отразилось бы замедлениями и всякого рода помехами на тех ее начинаниях, для которых необходимо содействии чужеземных учреждений, обращение к их изданиям, пользование их библиотеками, архивами, коллекциями, а всего ощутимее оно сказалось бы склонностью пренебрегать интересами русской науки и умалять долю деятельного участия Академии, их представительницы, в международных научных организациях¹³.

Глубокая заинтересованность в поддержании разнообразных связей с мировой наукой отражала и слабость материального положения Петербургской академии наук. Ее позиция в приведенной записке изложена достаточно аргументированно, но общественное мнение в условиях войны слабо считалось с академической логикой и склонно было лишь критиковать время немецкого засилья в России без малейшего намека на признание роли выходцев из Германии в развитии многих сторон жизни российского общества.

Первая мировая война привела к кризису еще недавно казавшегося незыблемым принципа единства мировой науки. В разразившемся противоборстве воюющих стран явственно проявилась существовавшая зависимость их потенциалов от уровня развития научного творчества. Это остро было воспринято русскими учеными. Ведь среди признаков, свидетельствовавших о неподготовленности России к ведению крупномасштабной войны, важное место принадлежало и таким показателям, как слабая изученность природных богатств страны и отсутствие необходимых условий для производства стратегического сырья. Казалось бы, благотворное влияние исследовательской деятельности немецких ученых для развития многих направлений науки и изучения природных богатств России выявило и другую сторону.

Обосновывая в апреле 1915 г. необходимость создания академической Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС), академик В. И. Вернадский писал:

Перед русским обществом совершенно неожиданно открылась недопустимая для сильной и здоровой страны и для живого могучего народа экономическая зависимость нашей жизни от Германии. То, что было давно известно отдельным лицам, занимающимся этим вопросом, вдруг встало во всей своей ясности перед всем обществом. То, что казалось неопасным и безразличным в

¹³ Известия Императорской Академии Наук. 1915. № 7. С. 558.

мирное время, вдруг, в эпоху мирового кризиса, выдвинуло свои вредоносные, разлагающие и ослабляющие силы. Сейчас не может быть здесь двух мнений. Та форма зависимости, которая перед нами раскрылась, не может быть терпима и не может дольше продолжаться без коренного изменения. Она далеко перешла пределы необходимого, неизбежного и благотельного взаимного обмена произведениями природы, труда и мысли между соседними государствами. Она перешла в область эксплуатации одной страны другой; нарушился необходимый для благой жизни двух стран элемент их полного равенства.

Одной из последствий зависимости России от Германии являлась

чрезвычайная недостаточность наших знаний о тех естественных производительных силах, которые дала природа России и которые добыты ее прошлой историей. <...> Благодаря этому, мы сейчас находимся в таком положении, что по отношению к целому ряду естественных продуктов мы не знаем, есть ли они у нас или нет, а если есть – в каком количестве, так как мы привыкли получать их извне и отвыкли искать их у себя». И многие из этих продуктов получали в России «из Германии или через Германию»¹⁴.

Именно насущные потребности реального знания о природных ресурсах страны и способах их обработки, выявившиеся в годы первой мировой войны, вели к необходимости процесса их изучения и разработки проектов создания широкой сети прикладных научно-исследовательских институтов, которые были осуществлены в нашей стране в 1920–1930-е гг.

Академия в годы революции

После падения в 1917 г. царского самодержавия Академия сама пересмотрела ряд положений своего Устава, приняла наименование – Российская, впервые избрала президента из своих членов – академика А. П. Карпинского. Этим, как правило, сведения о 1917 г. и ограничиваются. Но именно в этот год Академия провела огромную работу по комплектованию Архива войны и революции, разработала программу и работала над подготовкой сборника «Русская наука», приступила к созданию академических научно-исследовательских институтов. Но автономия Академии продолжалась недолго¹⁵.

В течение длительного времени явно преувеличивалось непосредственное влияние Октябрьской революции на развитие Академии наук. Замалчивалось резкое осуждение произошедших перемен как на двух экстраординарных Общих собраниях РАН в ноябре 1917 г., так и на ее Годичном собрании 29 декабря 1917 г. Чрезмерно преувеличивалось значение ленинского «наброска плана научно-технических работ», не ставшего правительственным документом и не оказавшего влияние на практическую деятельность Академии наук. Набросок был обнаружен и опубликован Н. П. Горбуновым лишь в марте 1924 г.¹⁶, а использован сначала как аргумент в проведении на рубеже

¹⁴ Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. Ч. 1. С. 4–6.

¹⁵ См.: Есаков В. Д. От Императорской к Российской. Академия наук в 1917 году // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132.

¹⁶ Горбунов Н. П. Ленин и план научно-технических работ // «Правда». 1924. 4 марта.

20–30-х гг. политики поддержки только учреждений Отделения математических и естественных наук и всяческого ущемления гуманитарных отделений Академии, а в хрущевские времена служил одним из аргументов в обосновании политики «восстановления ленинских норм партийной жизни».

До сих пор в литературе распространено представление, что при обсуждении вопросов перехода Академии наук к сотрудничеству с органами советской власти основное внимание было уделено развитию отделов Комиссии по изучению естественных производительных сил России, внесших определяющий вклад в организацию первых научно-исследовательских институтов. В действительности же Академия наук заявляла о необходимости поддержки всех академических проектов, которые разрабатывались в ее специальных комитетах и комиссиях: Центральной сейсмической комиссии, Магнитной комиссии, Ломоносовском комитете, Комиссии по составлению диалектологических карт русского языка, Комиссии по изданию академической библиотеки русских писателей, Комиссии по сборнику «Русская наука», Комиссии по изучению племенного состава населения России. В случае поддержки и дальнейшей организации работы по этим направлениям Академия шла на сотрудничество, ибо «Академия наук всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»¹⁷.

Положение Академии наук в системе Наркомпроса было, пожалуй, еще более сложным, чем под ведомством дореволюционного Министерства народного просвещения, так как научный отдел Наркомпроса, сыгравший в начале своего существования определенную положительную роль в мобилизации научных сил страны, приступил к разработке проектов кардинальной реорганизации Академии. Его действия привели к тому, что ее непремный секретарь с 1904 г. академик С. Ф. Ольденбург в августе 1919 г. направил академику П. П. Лазареву, единственному в то время академику, жившему и работавшему в Москве, широко известное послание:

На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемьев и Тер-Аганезов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке. Науку, конечно, никто и ничто не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизаций для спасения дела, но упорно встает вопрос топлива, и смерть косит¹⁸.

Трагичность положения Академии усугублялась еще и тем, что после переезда советского правительства (в марте 1918 г.) в Москву она оказалась в бюрократическом подчинении областных органов Петрограда. (Напомним, что по последнему Уставу 1836 г. Академия носила еще название Санкт-Петербургская, но бывшая столица империи в условиях Первой мировой войны в 1914 г. переименована в Петроград, а в 1924 г. – в Ленинград. К тому же акт Общего собрания о названии Академии наук Российской, утвержденный Временным правительством, никогда не выносился на рассмотрение СНК.

¹⁷ Материалы по истории Академии наук СССР, 1917–1925 гг. Л., 1986. С. 29.

¹⁸ Ленин и Академия наук. Сб. документов. М., 1969. С. 61.

Поэтому Академия наук, следуя логике ее Устава, была то Петроградской, то Ленинградской.)

В первые годы советской власти, несмотря на обилие литературы по организации науки, влияние власти на положение Академии, вошедшей в ведомство Наркомпроса, преувеличено. Из конкретных мероприятий истории смогли назвать только финансирование академических проектов весной 1918 г., поддержку в получении топлива в 1920 г., утверждение «совнаркомовских пайков» да декрет о помощи академику И. П. Павлову в 1921 г. Это вряд ли сопоставимо с тем физическим и моральным ущербом, который был нанесен научным работникам. Чего стоит заявление Ленина в письме Горькому от 15 сентября 1919 г. о том, что интеллигенция не является мозгом нации, или высылка ученых в 1922 г.

Большинство научных работников находилось в оппозиции к советской власти, часто не скрывая своих взглядов. Наиболее четко сформулировал свое отношение к происходившим событиям академик И. П. Павлов, который в письме в Совнарком писал 11 июня 1920 г.:

Как стародавний экспериментатор, глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный и политический опыт обречен на непремennую неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей Родины, не даст ¹⁹.

Несмотря на трудности, Академия наук сохранила свою организационную структуру, принципы комплектования и направления исследований. Она отвечала и на запросы времени, принимая участие в актуальных научных проектах, действительные члены даже возглавили ряд вновь созданных исследовательских институтов. В условиях революционного слома старой государственной машины и создания новых органов власти и управления, выработки новых форм организации государственной и общественной жизни, Российская академия наук была, пожалуй, единственным учреждением, сохранившим свою традиционную организацию. Практически ежегодно проходили отчетные Общие собрания РАН и академические выборы, не прекращавшиеся даже в период Гражданской войны. В 1918–1925 гг. в Академию избраны 23 новых действительных члена, среди них следует отметить А. Е. Ферсмана и В. Л. Комарова, сыгравших огромную роль в организации и развитии науки в советское время, А. Ф. Иоффе – первого еврея, избранного в состав Академии наук и закономерно считающегося основоположником создания коллективов отечественных ученых-физиков, С. Ф. Платонова – одного из руководителей академической исторической науки, и др.

В 1918 г. после годовичного перерыва была продолжена и традиция избрания иностранных членов Российской академии наук. Ими стали норвежский математик К. Ф. М. Штермер, французский востоковед С. Леви и бельгийский историк А. Перенн. Затем в течение трех лет (из-за Гражданской войны и интервенции) иностранные члены не избирались. Выборы возобновились в 1922 г., и иностранными членами стали математики Ж.-С. Адамар (Франция), Д. Гильберт (Германия), физики Э. Резерфорд (Великобритания), А. Эйнштейн (Германия) и востоковед П. Пеллио (Франция). Выборы иностранных членов проводились ежегодно до 1934 г.

¹⁹ Есаков В. Д. И академик Павлов остался в России // Наука и жизнь. 1989. № 9. С. 79.

200-летний юбилей Академии наук

Осознанию властью высокого авторитета Российской академии в мире и ее значения в хозяйственном и культурном строительстве страны способствовали подготовка и проведение в 1925 г. 200-летнего юбилея Академии наук. Придание юбилею общесоюзного значения было вызвано не только возрасставшим влиянием науки и настойчивостью руководства Академии наук, но и неожиданно возникшей внутривосточной ситуацией. В соответствии с декларацией и договором об образовании Союза ССР, принятыми 30 декабря 1922 г., руководящий орган союзного образования Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР проводил выездные заседания в столицах вошедших в него республик. Третья сессия ЦИК проходила в мае 1925 г. в Тифлисе (Тбилиси), бывшем тогда столицей Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики (ЗСФСР). Выступая на заседании большевистской фракции ЦИК, председатель СНК СССР А. И. Рыков поднял вопрос «о переименовании Академии Наук из Ленинградской во Всесоюзную». Он говорил, что «по самому содержанию своих работ Ленинградская академия была и есть Общесоюзной. Она ведет работу для всех частей Союза. В ней сосредоточены накопленные в течение 200 лет исключительные богатства (всякого рода музеи, библиотека, насчитывающая более 3000000 томов), раздать которые по частям Союза едва ли правильно – это грозит разрушить их». Ввиду приближения 200-летнего юбилея и необходимости утвердить Устав Академии Рыков предложил обменяться мнениями по этому вопросу. Со стороны членов ЦИК – представителей союзных республик – все-таки последовали возражения против этого переименования и возникли предложения о возвращении республикам экспонатов, собранных на их территории. Хотя руководитель советского правительства предупредил, что «Всесоюзная Академия будет учреждением при ЦИКе или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав, и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены», вопрос выносился на специальное голосование, и 33 члена ЦИК проголосовали против превращения Академии во Всесоюзную²⁰. Заметим, что в работе сессии приняли участие более 800 членов и кандидатов ЦИК СССР.

Сессия ЦИК СССР оказала влияние и на принципиальное решение Политбюро ЦК РКП(б) «О переименовании Академии наук во Всесоюзную», которое состоялось 8 июля 1925 г. По докладу А. И. Рыкова оно постановило: «Ввиду того, что Академия Наук обслуживала до сего времени только Великороссию и для того, чтобы сделать ее орудием поднятия науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимым преобразование ее во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик». Тем же решением Политбюро признало необходимым «обеспечить сохранение независимости молодой Украинской академии, которой Всесоюзная Академия должна всемерно помогать в ее развитии», поручило наркому просвещения РСФСР А. В. Луначарскому составить проект приветственной грамоты к юбилею Академии и постановило организовать комиссию под председательством А. И. Рыкова из народных комиссаров по просвещению

²⁰ Академия наук в решениях Политбюро... С. 38.

всех союзных республик для разработки устава Академии²¹. Это решение положило начало целому ряду научно-организационных мероприятий от широко известного постановления ЦИК и СНК СССР о признании Российской академии наук высшим научным учреждением Союза ССР и передачи ее в непосредственное подчинение Совнаркома СССР, принятого 27 июля 1925 г., до слабо изученного академического Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, организованного в апреле 1926 г.²² Для руководства общесоюзными организациями при Управлении делами СНК СССР было создано Управление научными учреждениями, в которое входили, кроме Академии наук, Институт прикладной ботаники и новых культур во главе с Н. И. Вавиловым – головной институт будущей ВАСХНИЛ, Монголо-Тибетская экспедиция под руководством П. К. Козлова и Особое техническое бюро (Остехбюро).

Юбилей Академии наук стал поводом для усиления наблюдения за ее работой и партийно-правительственного воздействия на направления академической деятельности. Комиссию Политбюро ЦК для связи и наблюдения за работой Академии сначала возглавил С. И. Сырцов – заведующий учетно-распределительным отделом ЦК ВКП(б), а ее членами стали нарком просвещения А. В. Луначарский, председатель правительственной комиссии по разработке Устава Академии наук В. П. Милютин и заведующий Управлением научными учреждениями СНК СССР Н. П. Горбунов²³. Затем эту комиссию возглавит секретарь и член Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе, и она войдет в историю советской Академии наук как «комиссия Енукидзе».

Устав Академии наук 1927 г.

Первый советский Устав АН СССР, как известно, утвержден СНК СССР 18 июня 1927 г. Но это утверждение произошло лишь после того, как первоначально все основные принципиальные его положения были приняты на Политбюро ЦК 26 мая 1927 г.²⁴ В докладной записке А. И. Рыкова отмечалось, что до сих пор действует царский Устав 1836 г., указывались и основные изменения, внесенные Временным правительством. По новому уставу президент и вице-президент Академии не просто назначаются правительством, как это было раньше, а избираются Общим собранием из числа академиков и только утверждаются правительством. А пункт об утверждении правительством академиков был отменен. В новом уставе усилилась роль Общего собрания Академии и уменьшена власть президента.

В проект Устава, разработанный комиссией Милютина, включили предложение о возможности лишения академика его звания. Эта процедура должна была производиться Академией с последующим утверждением СНК СССР. Этому положению на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) придали острый политический характер и утвердили в следующей редакции: «Академик лишается своего звания, если он не выполняет заданий, возлагаемых на него

²¹ Там же. С. 37–38.

²² Есаков В. Д. Октябрь и становление советской науки в национальных районах // Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977. С. 252–262.

²³ Академия наук в решениях Политбюро... С. 44–45.

²⁴ Там же. С. 48–52.

этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР»²⁵. В Уставе 1930 г. из этого пункта исключили слова о выполнении заданий действительными членами, и он остался чисто политическим положением, распространявшимся на почетных членов и членов-корреспондентов АН СССР²⁶. В таком виде это положение укрепилось во всех последующих уставах 1935, 1959 и 1963 гг., оно сыграло роковую роль в судьбе многих ученых и было устрашающим фактором для всех членов Академии в годы советской власти. Всего в соответствии с этим положением по уставам 1927–1963 гг. из состава Академии наук были исключены 78 ее членов²⁷.

Устав АН СССР первоначально определял, что Академия имеет в своем составе 70 действительных членов (академиков)²⁸. Постановлением СНК СССР от 3 апреля 1928 г. число академических кафедр увеличилось до 85²⁹. Таким образом, на выборах, проходивших в 1928–1929 гг. на основании первого советского устава, произошло удвоение состава действительных членов по сравнению с дореволюционным периодом. В Уставе 1930 г. пункт о количественном составе академиков уже отсутствовал, а Устав 1935 г. утвердил формулу, что число действительных членов и членов-корреспондентов устанавливается правительством по представлению Академии. К концу XX в. в состав Российской академии наук входили 455 действительных членов, 675 членов-корреспондентов и 159 иностранных членов³⁰.

При обсуждении проекта Устава 1927 г. из него исключили пункт об утверждении избранных академиков правительством. Можно признать, что это положение в основном властью соблюдалось. Однако изначально была введена практика партийно-правительственного и общественного воздействия на проведение академических выборов, где давалась разносторонняя (прежде всего – политическая) оценка практически каждой выдвигавшейся кандидатуре. Этому содействовали и такие новшества, как выдвижения кандидатур в действительные члены научными учреждениями и вузами страны, специальные решения Политбюро с утверждением кандидатов в академики, работа специальных отборочных комиссий с участием представителей союзных республик, избрание в состав АН действительных членов – коммунистов.

Выборы 1928–1929 гг. и «неувязка» в Академии, связанная с тем, что при избрании три кандидатуры коммунистов – А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче – не получили проходной балл, и потребовалось по решению правительства повторное голосование, достаточно освещены в исторической литературе³¹. Когда мы говорим о резкой критике Академии наук, развернувшейся вслед за этим, следует иметь в виду, что она касалась не только позиции в отношении коммунистов. Эта критика исходила из того, что Политбю-

²⁵ Там же. С. 48.

²⁶ Уставы Академии наук СССР... С. 133.

²⁷ Российская Академия наук. Персональный состав... Кн. 1. С. IX.

²⁸ Там же. С. 123.

²⁹ Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 177.

³⁰ Российская Академия наук. Персональный состав... Кн. 1. С. VII.

³¹ Есаков. Советская наука в годы первой пятилетки... С. 168–218; Перченко Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163–235; Колчинский Э. И. Советизация Академии наук (1928–1932 гг.) // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках. СПб., 2003. С. 435–457.

ро рекомендовало кандидатами в академики всего 35 человек, а избраны были только 19³², а также ее отношением к тем 200 кандидатам, которые выдвигались научной общественностью.

Последовавшая в 1929 г. реорганизация Академии наук была навязана партийными и контрольными органами после обнаружения в Библиотеке и Архиве АН актуальных политических документов, среди которых особый интерес вызывали подлинники отречений Николая II и Михаила и документы Департамента полиции – их в свое время Временное правительство официально передало на хранение в Академию. Вот когда был разгромлен академический Архив мира и революции. Это привело практически и к разгрому всего гуманитарного отделения. Только что назначенный вице-президентом коммунист Г. М. Кржижановский писал 11 декабря 1929 г. в Политбюро:

Считать целесообразным произвести постепенную ликвидацию 2-го отделения Академии наук (отделения гуманитарных наук) путем: а) незамещения впредь освобождающихся за смертью академиков вакансий; б) организационного слияния с другими научными организациями тех учреждений этого отделения, которые за смертью соответствующих академиков лишаются руководства и, наконец, в немедленной ликвидации в порядке реорганизации структуры и научной работы академии тех его учреждений, которые вообще не представляют собой значительной научной ценности³³.

Эта политика привела к резкой трансформации академического гуманитарного знания.

Перевод Академии наук в Москву

Одним из наиболее грубых вторжений власти в жизнь Академии являлся перевод из Ленинграда в Москву. Это решение в 1933 г. приняли Сталин и Молотов без согласия Академии и без какой-либо предварительной подготовки. Научные учреждения были переведены в тесные помещения, мало подходящие для научной работы. Лишь через двадцать лет, в середине 1950-х гг., для большинства академических учреждений будут построены здания, приспособленные для исследовательской деятельности.

В середине 1930-х гг. огромный ущерб был нанесен международному научному сотрудничеству после того как Политбюро присвоило себе в мае 1934 г. право решать вопросы о поездках за границу не только с позиций политической надежности, но и деловой целесообразности³⁴. Особую остроту этому вопросу придавало возросшее в тот период «невозвращенчество», в том числе и ученых, не вернувшихся из заграничных командировок. Пытаясь переломить этот процесс, сталинское руководство запретило всем ведомствам, центральным и местным организациям, посылать за границу своих представителей или делегации без санкции комиссии ЦК во главе с А. А. Ждановым, которого вскоре сменил Н. И. Ежов. Политбюро утверждало каждую рекомендацию этой комиссии. В результате этого резко сократился выезд за рубеж

³² Академия наук в решениях Политбюро... С. 53–54.

³³ Там же. С. 81.

³⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М., 1995. С. 70.

пользовавшихся мировой известностью и достойно представлявших российскую науку ученых, а таким авторитетам, как математик Н. Н. Лузин, физик А. Ф. Иоффе, биолог Н. И. Вавилов, поездки за границу были запрещены. Невозвращенчество же выдающихся химиков академиков В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина, лишенных в декабре 1936 г. советского гражданства и исключенных из состава действительных членов АН СССР, физика, одного из лучших знатоков теории атомного ядра, члена-корреспондента АН СССР Г. А. Гамова, генетика Г. Ф. Добржанского и др., насильственное удержание физика, члена Лондонского Королевского общества П. Л. Капицы, отмена проведения в СССР VII Международного генетического конгресса, прекращение присуждения звания почетных членов иностранным ученым и т.п. привели к практической ликвидации нормальных международных контактов советской науки.

В 30-е гг. одной из важнейших государственных задач СССР стала подготовка высококвалифицированных научных кадров. Эта проблема решалась как путем принятия постановлений СНК СССР от 13 января 1934 г. «О подготовке научных и научно-педагогических кадров» и «Об ученых степенях и званиях», которыми был определен единый порядок работы аспирантуры и введены ученые степени кандидата и доктора наук, так и мероприятиями по перевоспитанию старой интеллигенции и включению ее в строительство нового, социалистического общества. (Появлявшиеся в свое время труды по истории формирования советской интеллигенции требуют значительной переработки.)

С переездом АН СССР в Москву резко возросло вмешательство партийно-государственного аппарата в ее деятельность. После XVII съезда партии Сталин при распределении обязанностей между секретарями ЦК взял на себя наблюдение за Культпропом ЦК ВКП(б)³⁵, в его структуре был создан и Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий (заведующий К. Я. Бауман). Политбюро утверждало устав Академии, проводившиеся изменения в ее структуре, персональный состав руководства Президиума и отделений, не только санкционировало проведение академических выборов, но и принимало постановления об утверждении отдельных ученых действительными членами, определяло финансирование Академии и ее импортные поставки, утверждало решение правительства об установлении с 1 января 1937 г. повышенных окладов действительным членам, членам-корреспондентам и научным сотрудникам. В 1936 г. оно приняло развернутые постановления о похоронах академиков И. П. Павлова и А. П. Карпинского и об увековечении их памяти. Решениями Политбюро определялись все награждения ученых.

Именно власть предложила и кандидатуру академика В. Л. Комарова на пост президента Академии наук, выборы которого состоялись на Общем собрании 28–29 декабря 1936 г. Сохранилось «спецдонесение» Ежова, направленное Сталину. Констатируя «благоприятные результаты выборов», он отмечал и ряд отрицательных откликов академиков на их итоги: Академик А. Н. Крылов: «Выборы прошли под давлением, – и это после хваленой конституции». Академик П. П. Лазарев: «Когда же мы будем иметь возможность выбирать, ведь в этой «свободной» стране мы не можем даже намечать кандидатов, их намечают без нас, а мы только голосуем». Академик С. И. Вавилов: «Акаде-

³⁵ Там же. С. 143.

мик КОМАРОВ подходящая кандидатура для тех, кто его назначал. Для нас же был бы интересен академик КРЫЛОВ. Ведь вы знаете, какая это колоритная фигура, но ведь поэтому то его и побоялись выставить, заменив бесцветной фигурой КОМАРОВА». Академик Н. Н. Семенов: «Большевики великолепные дрессировщики. Выдрессировали таких львов, как КРЫЛОВА, ЧАПЛЫГИНА. Кричали, кричали о КОМАРОВЕ, а когда выбирать, то только два голоса были против»³⁶.

Строительство советской науки в политике сталинского руководства шло под лозунгом ее превращения в мирового лидера по всем главным научным направлениям. Возраставшее внимание государства к развитию науки, рост финансирования научных исследований, перевод Академии в Москву, продолжающееся увеличение ведомственно-отраслевой системы научно-исследовательских институтов, возрастающее количество специалистов, подготовленных советской высшей школой, рост аспирантуры, утвержденной в 1929 г. как единой формы подготовки научной смены, введение в январе 1934 г. ученых степеней и званий и т. д., а также проведение в СССР ряда международных научных конгрессов, привели к преждевременному выдвиганию лозунга о перемещении в СССР мирового научного центра. Газета «Правда» 10 сентября 1934 г. в передовой статье, опубликованной в день открытия Международного научного съезда, посвященного 100-летию со дня рождения Д. И. Менделеева, писала, что этот съезд собрался «в обстановке мощного расцвета науки и техники в Советском Союзе. Все лучшее, что есть в рядах ученых всего мира, тяготеет к нашей стране, осваивающей культурное наследство и упорно продвигающейся вперед. *Мировой научный центр все более перемещается в СССР...*»

Новая идеология исключала «низкопоклонство перед Западом» и утверждала чувство превосходства советской науки перед буржуазной наукой. Одним из проявлений этой политики явилась подготовка в 1936 г. «дела академика Н. Н. Лузина»³⁷. 3 июля 1936 г. редактор газеты «Правда» Л. Мехлис писал в ЦК ВКП(б):

Материалы, собранные редакцией «Правды» в связи с делом академика Н. Лузина, выявили, между прочим, один серьезного значения недостаток в работе научных организаций. Сводится этот недостаток к тому, что большинство ученых наиболее интересные свои работы считают нужным публиковать главным образом и раньше всего не в СССР, а в заграничной печати. Вызывается это двоякого рода причинами:

во-первых, ненадежностью издания научных книг и журналов у нас, в СССР,

во-вторых, тем ореолом уважения, которым до сих пор окружена в научной среде (даже среди многих коммунистов – научных работников) любая, хотя бы и малозначительная работа, если она напечатана за границей.

Считая такое положение совершенно ненормальным, прошу ЦК ВКП(б) санкционировать развернутое выступление по этому вопросу на страницах «Правды».

В левом верхнем углу этой записки имеется резолюция: «Молотову! Кажется, можно разрешить. И. Сталин». Ниже ее имеются подпись Молотова

³⁶ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 123. Л. 127–128; Академия наук в решениях Политбюро... С. 16.

³⁷ Дело академика Николая Николаевича Лузина. СПб., 1999.

и помета: «Сообщ[ено] т. Мехлису. П[оскребышев]»³⁸. На основании этих резолюций центральный орган партии развязал кампанию травли против выдающегося математика и борьбу с отмеченным недостатком, основными эпизодами которых стали статьи «О врагах в советской маске» и «Традиции раболепия»³⁹. Во второй из них вместе с критикой публикаций научных работ на иностранных языках утверждалось: «Советское государство хочет и может обеспечить целиком, на сто процентов, своевременное напечатание всех ценных работ всех советских научных работников»⁴⁰. «Дело Лузина» было быстро прекращено благодаря тому, что в его защиту выступили академик В. И. Вернадский, П. Л. Капица, Н. В. Насонов и другие ученые, а комиссия Академии наук предложила не называть Лузина врагом в советской маске, а ограничилась формулировкой о недостойном поведении советского ученого. В письме, направленном 6 июля 1936 г. председателю СНК СССР В. М. Молотову, П. Л. Капица писал о неправильном подходе правительства,

чересчур узкоутилитарном и недостаточно внимательном. Поэтому главный научный капитал у нас все же лежит в старом поколении людей, доставшихся по наследству. Поэтому следовало бы, казалось, все сделать, чтобы их перевоспитать, приручить и пр. Но то, что Вы делаете, совсем не достигает цели. Когда-то арестовали Лазарева, прогнали Сперанского, а теперь обрушились на Лузина (...) Я по себе знаю, как бездушно вы можете обращаться с людьми⁴¹.

Основное проявление политика «борьбы с низкопоклонством перед Западом» получит после Великой Отечественной войны в деятельности судов чести и в ходе «борьбы с космополитизмом».

Академия наук в годы «большого террора» понесла существенный урон. Так, на Общем собрании АН СССР 29 апреля 1938 г. за деятельность, направленную «во вред СССР», были исключены из состава Академии 5 академиков – В. В. Осинский, Н. М. Тулайков, А. Н. Самойлович, Г. А. Надсон, Н. П. Горбунов (в 1935–1937 гг. он исполнял обязанности постоянного секретаря АН СССР) и 16 членов-корреспондентов – В. Н. Бенешевич, Б. В. Нумеров, В. Г. Глушков, А. Н. Туполев, Я. Н. Шпильрейн, Н. М. Федоровский, С. Г. Томсинский, Ю. А. Крутков, Б. М. Гессен, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. Ю. Ган, Л. С. Лейбензон, Б. Б. Польшов и Г. А. Гамов (последний был исключен как невозвращенец). Но ученые исчезали и без официального объявления, как Л. Д. Ландау, объявленный «врагом народа» в 1938 г. и вызволенный лишь благодаря вмешательству и личному поручительству П. Л. Капицы, или академик Н. И. Вавилов, арестованный в 1940 г. во время командировки.

Более того, после проведения в январе 1939 г. академических выборов в подписанном председателем СНК СССР В. М. Молотовым постановлении

³⁸ Демидов С. С., Есаков В. Д. «Дело академика Н. Н. Лузина» в свете сталинской реформы советской науки // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 104–105.

³⁹ «Правда». 1936. 3 и 9 июля; См. также: Дело академика Н. Н. Лузина... С.255–257, 268–271.

⁴⁰ «Правда». 1936. 9 июля. С. 3.

⁴¹ Капица П. Л. Письма о науке. 1930–1980. М., 1989. С. 88.

от 26 февраля «О плане работ Академии Наук СССР на 1939 год» не только прозвучал призыв догнать и перегнать в экономическом отношении передовые капиталистические страны, но и говорилось о «необходимости усиления отпора имеющимся лженаучным извращениям». Этот государственный акт наглядно свидетельствовал о победе лысенковщины и утверждении мичуринской биологии как советской разновидности в развитии биологической науки. К лженаучным извращениям относились активно разрабатывавшиеся в Институте экспериментальной биологии, незадолго перед тем перешедшем в систему АН СССР, проблемы экспериментальной биологии и генетики. Поводом для включения этого положения в правительственное постановление послужила статья академика А. Н. Баха и других (академика Б. А. Келлера и сотрудников Института генетики АН СССР Н. И. Нуждина и С. Я. Краевого) в газете «Правда», опубликованная 11 января 1939 г., под названием «Лжеученым не место в Академии наук». Она была направлена на то, чтобы воспрепятствовать избранию в состав действительных членов АН таких выдающихся ученых и явных противников Лысенко, как Н. К. Кольцов и Л. С. Берг. Их и не избрали в число академиков. Академиком стал Т. Д. Лысенко.

В предвоенные годы, несмотря на реальные трудности, в условиях планового финансирования исследований, резкого увеличения научных кадров, развития новейших направлений научно-технического прогресса организовывались академические исследовательские институты, формировались многие отрасли отечественной науки и техники. Решая неотложные нужды развития промышленности и сельского хозяйства, деятели советской науки вносили возрастающий вклад в развитие мирового научного знания. Вместе с тем условия развития науки не соответствовали нуждам и потребностям времени. П. Л. Капица писал об этом И. В. Сталину 10 июля 1937 г.:

Товарищ Сталин,

С наукой у нас неблагополучно. Все обычные заверения, которые делаются публично, что у нас в Союзе науке лучше, чем где бы то ни было, — неправда. Эти заверения не только плохи, как всякая ложь, но еще хуже тем, что мешают наладить научную жизнь у нас в стране. Что у нас с наукой плохо, я считаю, что могу говорить с уверенностью, так как работал долго в Англии, и там мне жилось и работалось лучше, чем здесь. Но цель этого письма вовсе не в том, чтобы хвалить британцев и рассказывать, как там хорошо, но чтобы сказать о том, что, мне кажется, лежит в основе нашего слабого положения, и [как] бороться за поднятие науки у нас в Союзе.

Самое поражающее в состоянии нашей науки, конечно, то, что она слабее, чем в капиталистических странах, и рост и развитие нашей науки совсем не соответствуют темпам развития нашей хозяйственной и культурной жизни. Но, несмотря ни на что, я продолжаю верить, что при социализме наука должна быть на более высокой ступени развития, чем где бы то ни было при капитализме. Иначе, конечно, быть и не может, так как наука является основным двигателем и показателем прогресса ⁴².

К началу войны Советский Союз обладал собственным, как тогда говорили, сплошным «фронтом науки и техники», по всем направлениям научно-тех-

⁴² Там же. С. 135.

нического прогресса, решавшим актуальные задачи развития экономики и культуры и способным вносить вклад в укрепление обороноспособности СССР⁴³.

Академия в годы войны

В годы Великой Отечественной войны весь «фронт советской науки и техники», ученые АН СССР включились в борьбу против гитлеровских агрессоров. Ученые самоотверженно трудились над созданием новых, более совершенных образцов вооружения, разрабатывали новые виды боеприпасов, горючих средств. Деятельность академических комиссий по мобилизации ресурсов важнейших регионов страны позволила оперативно привлекать для нужд войны все виды стратегического сырья. Взаимодействие стран антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом содействовало активизации международных связей советской науки. Научные работники вместе со всем народом переживали все тяготы войны. В то же время необходимо отметить, что виднейшие деятели советской науки – научная элита – находились в относительно благоприятных условиях для исследовательской работы.

История Академии наук СССР во время Великой Отечественной войны – один из наиболее разработанных периодов ее истории. И все-таки, думается, что вопрос о руководстве Академией и деятельности Президиума заслуживает дополнительного изучения. Из-за позиции президента В. Л. Комарова сложилась странная ситуация, когда в период эвакуации не было единого дееспособного Президиума АН СССР, а действовали две самостоятельные и слабо между собой связанные его группы – Казанская и Свердловская, о чем не упоминается ни в одной из работ по истории АН СССР в годы войны. Подготовленный специальной комиссией (под руководством академика П. Л. Капицы) вопрос о структуре центрального аппарата АН СССР и его реорганизации в условиях военного времени так и не был рассмотрен. Организационная перестройка в Академии ограничилась освобождением на сессии Общего собрания АН СССР (Свердловск, 1–8 мая 1942 г.) двух вице-президентов О. Ю. Шмидта и А. Е. Чудакова и избранием вместо них шести вице-президентов – академиков В. П. Волгина, Л. А. Орбели, И. П. Бардина, А. Ф. Иоффе, А. А. Байкова и А. А. Богомольца по согласованию с зампреда ГКО В. М. Молотовым. В целом «феномен президентства Комарова» заслуживает самостоятельного изучения, ни в малейшей степени не бросая тень на героический труд академических ученых в годы войны и их вклад в дело Победы над врагом.

Важное место в истории Академии наук занимает встреча в ноябре 1944 г., на завершающем этапе Великой Отечественной войны, президента АН СССР академика В. Л. Комарова с И. В. Сталиным. Он впервые принимал президента Академии. Встреча состоялась ровно через месяц после того, как в связи с 75-летием со дня рождения и 50-летием научной и общественной деятельности академику В. Л. Комарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Встречу следует считать «рабочей», так как Академия

⁴³ См.: Есаков В. Д. Расширение фронта научных исследований в предвоенные годы // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. Из истории советской культуры. Сб. статей. М., 1985. С. 81–93.

наук по своему Уставу подчинена непосредственно СНК СССР. Во время беседы президент доложил главе советского государства о некоторых важнейших событиях в деятельности АН и согласовал ряд намечаемых мероприятий. Никаких сообщений в прессе об этой встрече не было.

Комаров обсудил со Сталиным организацию Совета Академий наук союзных республик, проведение 220-летнего юбилея АН СССР и 100-летия существования Географического общества, а также создание Института истории естествознания и издание сборника «Научное наследство». Комаров доложил о перспективах научной помощи нефтяной промышленности и воспринял предложение о скорейшем разрешении вопроса по созданию металлургической базы Ленинграда как первоочередную задачу Академии наук. Сталин упоминал о необходимости обеспечения советских ученых научной литературой, которая выходит за границу, и поинтересовался оценкой развития науки в Германии. Комаров ответил, что некоторые исследования, связанные с военной техникой, представляют для нас несомненный интерес. «Однако, в общем, гитлеровцы в такой степени изгнали и истребили все, что было лучшего в немецкой науке, что сейчас Германия стала страной научного запустения и паралича науки». Президент получил принципиальное согласие на экспедицию специального судна в южные страны для восполнения громадной убыли оранжерейных растений Ботанического института в Ленинграде после вражеских бомбардировок и артобстрелов ⁴⁴.

220-летие создания Академии наук

Празднование 220-летия создания Академии наук (вне зависимости от отношения к этой дате и дням ее проведения) следует отнести к блистательным страницам ее истории. Это первый международный форум ученых после длительной кровавой войны, это признание роли международного научного сообщества в борьбе против фашизма. Окончательное решение о приглашении зарубежных гостей было принято 5 мая 1945 г. ⁴⁵ В условиях малого времени, остававшегося до празднования, приглашения иностранных ученых и международных организаций осуществлялись советскими посольствами, и многие из них прибыли в Москву на военных самолетах. В связи с юбилеем 13 академиком удостоены звания Героя Социалистического Труда и 1463 научных сотрудников Академии наук были награждены орденами и медалями ⁴⁶.

На юбилейную сессию АН СССР, продолжавшуюся с 15 июня по 3 июля 1945 г., прибыли 123 ученых из 19 стран. Они присутствовали на Параде Победы 24 июня. Затем торжества продолжались в Ленинграде, а 30 июня в Кремле состоялся прием. Зарубежные гости пробыли в СССР почти месяц – до 11 июля. Они участвовали в общих собраниях всех отделений Академии наук, на конференциях и коллоквиумах во многих институтах, посещали лаборатории. Особое значение встречам ученых придавало то, что к началу 1945 г. была завершена более чем годовая работа по составлению плана научно-исследовательских работ на послевоенный период. В это время советские уче-

⁴⁴ О встрече академика В. Л. Комарова с И. В. Сталиным / Публ. В. Д. Есакова // Вестник РАН. 2005. № 3. С. 256–259.

⁴⁵ Академия наук в решениях Политбюро... С. 302–303.

⁴⁶ Там же. С. 304–309.

ные получили возможность сопоставить свои работы и планы с уровнем и направлениями прогресса мировой науки.

Юбилейные торжества привели и к ускорению смены руководства АН СССР. Известно, что президент В. Л. Комаров был тяжело болен, и очередное обострение произошло во время приема в Кремле. Его выступление было крайне неудачным. Он говорил невнятно, мысли путались, «шуршала плохо осмысленная стариковская речь»⁴⁷. Вскоре после приема вице-президенты Академии были приглашены в Кремль, и там им заявили о необходимости освобождения президента от руководства наукой. Сложную миссию убедить Комарова подать в отставку возложили на вице-президента АН СССР академика И. П. Бардина. В. Л. Комаров был единственным выборным президентом АН СССР, отстраненным в годы советской власти от должности до истечения срока его полномочий. 17 июля 1945 г. был избран новый президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов.

Президентство С. И. Вавилова

Шекспировский трагизм судеб братьев Н. И. и С. И. Вавиловых привлек и продолжает привлекать широкий интерес к освещению их жизни и деятельности. Во многих работах отчетливо преобладает публицистичность и злободневность, что приводит к мифологизации важных событий в биографиях братьев и прежде всего С. И. Вавилова. Предположения и легенды включаются в научные доклады и мемуары.

В истории науки «жгучим» остается вопрос о взаимоотношениях Сталина с учеными вообще и с С. И. Вавиловым в частности. В обиходе преобладают сведения надуманные, неточные, документально не подтвержденные. Их можно встретить, например, в получивших широкое распространение воспоминаниях академика А. Д. Сахарова. Отмечая, что С. И. Вавилову как президенту приходилось много раз выступать с официальными речами, А. Д. Сахаров пишет: «В одной из них он назвал И. В. Сталина «корифеем науки», этот пущенный им в ход эпитет стал почти что частью официального титула (видимо, понравился)»⁴⁸. Утверждение, что именно со слов С. И. Вавилова Сталин стал «корифеем науки», несправедливо, хотя ему и принадлежат такие статьи, как «Научный гений Сталина», «Наука сталинской эпохи» и др. Этот «титул» появился задолго до избрания Сергея Ивановича президентом, еще в 1939 г. – в год сталинского шестидесятилетия. Одним из первых (если не самым первым) «корифеем науки» назвал Сталина тогдашний первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков. В своей статье «ВКП(б) – неприступная крепость», опубликованной в декабрьские дни 1939 г., он писал, что Сталин «творчески обогатил революционную теорию, как подлинный корифей науки двинул вперед теорию марксизма-ленинизма»⁴⁹. Этот эпитет был подхвачен многими из тех, кто славословил вождя, в том числе и ученые. Сталин был провозглашен «корифеем науки» в период, когда президентом АН СССР был В. Л. Комаров, и он в День Победы в телеграмме Сталину 8 мая 1945 г., писал: «Какая гордость для ученых: во главе победившей

⁴⁷ Мезенцев В. Бардин. М., 1970. С. 147–148.

⁴⁸ Сахаров А. Д. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 117.

⁴⁹ «Правда». 1939. 20 декабря.

армии – корифей науки!»⁵⁰. Таким образом, С. И. Вавилов лишь повторял уже широко известное определение, ставшее политическим клише, – прием, который он использовал всякий раз, когда надо было «соответствовать», а истинное его отношение к человеку или событию не совпадало с официальным.

Вопрос, почему Сталин при определении кандидатуры на пост президента АН СССР остановился на беспартийном С. И. Вавилове, занимал многих исследователей, в том числе и авторов докладов и статей, выходявших к 100-летию со дня рождения С. И. Вавилова в 1991 г. Один из его учеников и активнейших биографов, лауреат Нобелевской премии академик И. М. Франк, на этот вопрос отвечал: ходили слухи, что кандидатом в президенты мог стать А. Я. Вышинский⁵¹. Среди возможных кандидатов он называл и Т. Д. Лысенко. А. Д. Сахаров в дополнениях к своим воспоминаниям со ссылкой на одного из старейших сотрудников ФИАН Я. Л. Альперта писал о Т. Д. Лысенко как о возможном кандидате на пост президента Академии и приводил версию Е. Л. Фейнберга о кандидатуре А. Я. Вышинского⁵².

Предположения учеников, соратников и биографов С. И. Вавилова о стоявшей перед ним альтернативе были рождены тем пониманием тогдашней ситуации в стране, которая доминировала в условиях перестройки и в значительной мере подменяла оценки реальных процессов в первые месяцы после окончания войны. Ныне стали доступными и введены в научный оборот многие документы и широко известна составленная Л. П. Берия по требованию И. В. Сталина справка с краткими характеристиками академиков, претендовавших на пост президента АН. Среди них нет кандидатуры академика А. Я. Вышинского, а в характеристике академика Т. Д. Лысенко прямо говорится, что «среди биологов Академии наук СССР Лысенко авторитетом не пользуется, в том числе и у академиков Комарова В. Л. и Орбели Л. А., причем последние приписывают ему арест Вавилова Н. И.»⁵³.

При всем господстве сталинской диктатуры власть не могла не учитывать авторитета кандидатов на пост президента среди других академиков. Следовательно, рекомендация кандидатуры Лысенко со стороны снимаемого Комарова была исключена. Даже в рамках жесткой командно-административной системы внутренняя жизнь Академии регламентировалась собственным уставом, ограниченным, пусть в значительной мере формальным, но он сохранял выборность на все академические должности. И это заставляло правителей, даже предупредив отставку президента без традиционной процедуры его переизбрания, соблюдать видимость демократичности выборов президента. Уже по этой причине ни Лысенко, ни Вышинский не могли претендовать на пост главы АН СССР. Была и еще одна очень серьезная причина. В условиях упрочения международного научного сотрудничества как закономерного продолжения военного и политического взаимодействия стран антигитлеровской коалиции, а это отражало и празднование 220-летия Академии наук СССР, выдвижение кандидатур Вышинского и Лысенко было противоестественно, негативное отношение к ним в мире было хорошо известно.

⁵⁰ «Правда». 1945. 9 мая.

⁵¹ Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. Предисл. и вступ. статья И. М. Франка. 3-е изд., доп. М., 1991. С. 44.

⁵² Сахаров. Воспоминания... Т. 1. С. 116.

⁵³ Исторический архив. 1996. № 2. С. 142–155.

Вступая в должность президента АН СССР, С.И. Вавилов имел основание рассчитывать на реализацию своих планов активизации деятельности высшего научного учреждения страны. Он получил достаточный простор для внутриакадемической реорганизации. Формируя новый состав Президиума Академии и стремясь к тому, чтобы в него входили работоспособные академики, он предложил не только не включать ряд авторитетных, но больных и недееспособных ученых, но и вывести из его состава еще молодых и столь приближенных к Сталину академиков, как М. Б. Митин и Т. Д. Лысенко. Руководящие работники партийного аппарата и даже влиятельные члены Политбюро ЦК с пониманием отнеслись к предложенным кадровым изменениям. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров, в ведении которого находилась и АН СССР, в обстоятельной записке, направленной в декабре 1945 г. В. М. Молотову и Г. М. Маленкову, признавал целесообразным принять предложенные руководством АН СССР изменения, специально оговорив:

Особо стоит вопрос об акад. Лысенко. Как президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, его было бы целесообразно выбрать в новый состав президиума. Однако следует считаться с оппозицией к нему, которая может проявиться при тайном голосовании. В работе настоящего состава президиума акад. Лысенко участия не принимает, хотя и является членом президиума. Многие академики скептически относятся к научным исследованиям акад. Лысенко; винят его в том, что генетика, успешно развивающаяся в других странах, задавлена в СССР; в том, что Академия сельскохозяйственных наук развалена, превращена в вотчину ее президента и перестала быть работающим научным коллективом ученых; обвиняют в некорректном отношении к уважаемым советским ученым, в нетактичном поведении при приеме иностранных гостей во время юбилейной сессии. Академикам известно, что президент АН СССР акад. Вавилов и вице-президент, академик-секретарь Отделения биологических наук акад. Л. А. Орбели не поддерживают акад. Лысенко <...>

Необходимы специальные указания членам президиума АН и серьезная работа с академиками, чтобы кандидатура акад. Лысенко получила требуемое число голосов ⁵⁴.

«Серьезная работа» была проведена, и Лысенко вновь был избран в состав Президиума АН СССР, но Митин в него не вошел.

Важнейшим мероприятием внутриакадемической жизни, заслуга в проведении которого полностью принадлежала С. И. Вавилову, было восстановление традиционных годовых общих собраний Академии наук как главного события в ее жизни и деятельности. Ему удалось сохранить и традиционную дату их проведения. Созыв и дата годового собрания непременно оговаривались в уставах Академии наук. До Октябрьской революции и в первые годы после нее эти собрания назывались торжественными и проходили 29 декабря ⁵⁵. С 1927 г. в Уставе АН СССР была закреплена новая дата их проведения – 2 февраля ⁵⁶. Эта традиция была нарушена в 1934 г. в связи с переводом

⁵⁴ Из истории борьбы с лысенковщиной / Публ. В. Д. Есакова, С. С. Ивановой и Е. С. Левинной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 131.

⁵⁵ Устав Санкт-Петербургской Академии наук, 1836 г. // Уставы Академии наук СССР... С. 109.

⁵⁶ Устав Академии наук СССР, 1927 г. // Там же. С. 124.

Академии в Москву и включением в нее учреждений Коммунистической академии. Более того, Устав АН СССР 1935 г. закрепил проведение общих собраний по мере надобности, а о годичных собраниях в нем не упоминалось⁵⁷. Ко времени президентства С. И. Вавилова большинство членов АН СССР было избрано в 1939 и 1943 гг., и для них этой традиции уже не существовало. Тем не менее они с одобрением встретили факт проведения 2 февраля 1946 г., после двенадцатилетнего перерыва, годичного собрания, так как возрождался к жизни высший демократический орган Академии. (Положение о проведении годичных собраний будет вновь включено в Устав АН СССР в 1959 г., с уточнением, что они проводятся в первый понедельник февраля. Затем в соответствии с Уставом АН СССР 1963 г., они должны были созываться в первую декаду марта.)

В течение первых полутора-двух лет академику С. И. Вавилу и возглавляемому им Президиуму АН СССР удавалось в Академии проводить относительно самостоятельную политику, отвечающую потребностям развития науки. Были не только осмыслены итоги развития науки в условиях войны, но и предпринята попытка обобщить направления прогресса науки.

Мир несомненно переживает научную революцию, – говорил С. И. Вавил в феврале 1946 г. – Война, мобилизовавшая людей науки в полной мере и у нас и в других странах, привела к чрезвычайному ускорению многих разделов науки и техники. Полеты на Луну из ведения писателей фантастических романов, возможно, скоро перейдут в более ответственное ведение инженеров. Наконец, в результате научных исследований и усилий ученых многих стран, в том числе и советских ученых, человек научился освобождать колоссальную энергию, скрытую в атомных ядрах. До сих пор эта энергия была применена только для разрушительных действий так называемых атомных бомб, но есть основание надеяться, что новые, практически безграничные источники энергии послужат и для больших созидательных задач⁵⁸.

В июне 1946 г. по докладу С. И. Вавилова была уточнена структура отделений и их учреждений; Президиум АН СССР обратился в Совет Министров СССР с просьбой создать в системе Академии 13 новых «более отвечающих современному состоянию науки» научных институтов⁵⁹. Первым из них был создан Институт славяноведения. В целом, несмотря на заявление Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского района г. Москвы 9 февраля 1946 г. о широком строительстве всякого рода научно-исследовательских институтов, план создания новых академических институтов осуществлен не был. Организационное строительство научных учреждений, как мы теперь знаем, пошло по другому пути – по пути создания закрытых научных центров, направленных на разработку атомного проекта СССР.

Весной 1947 г. положение резко изменилось. С созданием «судов чести» основной упор в идеологической деятельности партии был сделан на всемерное развитие советского патриотизма и борьбу с пережитками капитализма в сознании советских людей⁶⁰. По всей стране разворачивалась «борьба за

⁵⁷ Там же. С. 146.

⁵⁸ Вавил С. И. Советская наука на новом этапе. М., 1946. С. 100.

⁵⁹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1-1946. Д. 12. Л. 1.

⁶⁰ См.: Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005.

освобождение от низкопоклонства и раболепия перед Западом», перед капиталистической культурой. Главной жертвой этой борьбы стала интеллигенция. Всю эту кампанию, как известно, возглавлял А. А. Жданов. В одной из его записных книжек, куда заносились возникшие идеи, а также фиксировались высказывания и рекомендации к исполнению указаний Сталина, есть и такая зловещая запись: «Разбить Академию наук»⁶¹. Академию наук, конечно, не разбили; этим власть себя не опозорила, но нанесла ей тяжелейшие раны.

Среди академических традиций, прерванных с переводом Академии наук в Москву, а также с началом борьбы с раболепием перед иностранщиной, проявившейся в «деле академика Н. Н. Лузина», было и прекращение избрания в состав ее почетных членов виднейших представителей мировой науки. В 1947 г. при подготовке очередного июньского Общего собрания руководство Академии, возглавляемое С. И. Вавиловым, внесло на рассмотрение правительства предложения о выборах иностранных почетных членов АН СССР. Предполагаемое избрание должно было стать ответом на внимание, которое проявили научные организации различных стран по отношению к советским ученым. К представлению были приложены список 27 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, избранных в научные иностранные учреждения и организации и получивших иностранные научные звания и награды с 1944 г. по май 1947 г., и справка об иностранных научных учреждениях, избравших наших академиков и членов-корреспондентов своими членами или почетными докторами в 1945–1947 гг., а также отзывы известных советских ученых о всех зарубежных ученых, выдвинутых для избрания в состав иностранных членов АН СССР.

Внесенные предложения были рассмотрены в аппарате ЦК ВКП(б) без участия представителя Академии наук. Исходя из того, что Академия отдала явное предпочтение ученым англосаксонских стран и недооценила целесообразность избрания славянских ученых и ученых соседних стран – Китая и Румынии, в проекте постановления ЦК ВКП(б) «О выборах иностранных членов-корреспондентов Академии наук СССР», завизированном начальником Управления пропаганды и агитации Г. Александровым и заведующим входившего в его состав Отдела науки С. Суворовым, предлагалось «установить впредь, что иностранные ученые могут быть избраны членами-корреспондентами Академии наук СССР». Проект отклонил предложение Президиума АН СССР об избрании членкорами американского химика Лангмюра, английских ученых – химика Робинсона, физика Блэккета, биохимика Кейлина, радиофизика Эпплтона и мексиканского физика Валларта. Академикам С. И. Вавилову и Н. Г. Бруевичу было рекомендовано представить Общему собранию АН СССР следующих зарубежных ученых: Рамана С. В., Саха Мегхнада (Индия), Фредерика и Ирен Жолио-Кюри (Франция), Альберта Сент-Дьердьи (Венгрия), Зденека Неедлы (Чехословакия), Теодора Павлова (Болгария), Константина Пархона (Румыния), Го Мо-Жо (Китай), Казимира Нитша (Польша).

При внесении проекта на утверждение Политбюро А. А. Жданов вычеркнул первый пункт, и Академия наук была лишена возможности выбирать за-

⁶¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 177. Л. 4.

рубежных ученых почетными членами АН СССР, а лишь иностранными членами-корреспондентами. Во второй пункт об отклонении предложения об избрании американского, английских и мексиканского ученых Жданов внес следующее обоснование, приписав простым карандашом: «ввиду того, что никто из наших ученых на протяжении последних лет не избирался в состав какой-либо американской или английской научной организации, соответствующей нашей Академии». В третьем пункте А. А. Жданов вычеркнул рекомендацию об избрании Саха Мегхнада и зачеркнул кандидатуру Го Мо-Жо. Приписав сверху справа «весьма срочно», он написал в графе «результаты голосования»: «За Жданов. Спросить Молотова». На документе имеется помета: «Молотов за».

Отредактированный Ждановым текст был принят Секретариатом ЦК 10 июня 1947 г., на следующий день после обнародования закона о государственной тайне и в день публикации печально знаменитого постановления о запрещении брака с иностранцами, и направлен на утверждение Политбюро. В сопроводительном письме Сталину отмечалось, что предложение об избрании в качестве иностранных членов-корреспондентов АН СССР наиболее выдающихся зарубежных ученых Секретариат ЦК ВКП(б) нашел правильным удовлетворить. К письму прилагалась краткая справка о зарубежных ученых, где говорилось, что С. В. Раман, Ф. Жолио-Кюри, И. Жолио-Кюри и А. Сент-Дьердьи – лауреаты Нобелевской премии. На выписке из протокола Секретариата ЦК, подписанной Ждановым, имеется подпись Сталина, и в тот же день это решение включили в протокол Политбюро и оно стало постановлением ЦК ВКП(б)⁶². Все восемь предложенных кандидатур были избраны на Общем собрании АН СССР 12 июня 1947 г. Следующее избрание иностранных членов-корреспондентов АН СССР состоится только в 1958 г. (На выборах 1966 г. этого звания будут удостоены Го Мо-Жо, П. Блэккет и Р. Робинсон.)

Через месяц после Общего собрания АН СССР решением Политбюро ЦК было прекращено издание на иностранных языках важнейших изданий АН СССР – «Доклады Академии наук СССР», «Физико-химический журнал» и «Журнал по физике». ЦК ВКП(б) исходил из того, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит серьезный ущерб советскому государству, предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки. Издание Академией наук научных журналов на иностранных языках в то время, когда ни одна страна не издает научных журналов на русском языке, роняет достоинство СССР и не отвечает задаче воспитания ученых в духе советского патриотизма⁶³. Вслед за этим во всех советских научных и научно-технических изданиях прекратили публикации аннотаций на английском языке, названий журналов и оглавлений в них на иностранных языках. Пока нам неизвестно отношение С. И. Вавилова к этим антинаучным актам, что делает его ответственным за придание им обязательного характера в научном сообществе советской страны.

⁶² Академия наук в решениях Политбюро... С. 348–353.

⁶³ Там же. С. 356–357.

Идеологизация научной деятельности

Идеологический диктат утверждался в условиях жесткого государственного регулирования всех сторон жизни советского общества, в том числе и планирования науки. В марте–апреле 1947 г. на заседаниях Совета Министров СССР под председательством Сталина дважды рассматривался вопрос о пятилетнем плане научно-исследовательских работ Академии наук на 1946–1950 гг. По замечаниям и предложениям Госплана было исключено до 20 процентов намечавшихся исследований, да и в дальнейшем шел их серьезный пересмотр. Если обратиться к резолюциям проходивших позднее «научных дискуссий», то практически каждая из них фиксировала изменения планов научных работ в пользу лидеров победивших группировок. Так было в резолюциях по итогам печально знаменитых сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и «Павловской» сессии 1950 г.

Под таким чудовищным прессом Президиум АН СССР и С. И. Вавилов, естественно, лишались свободы маневра. Тем не менее участие Вавилова в заседании по итогам сессии ВАСХНИЛ и его вступительное слово на «Павловской» сессии ставятся ему как президенту в качестве главных упреков. При этом упускают из вида, что ни одна из проведенных в тот период дискуссий не была рождена в недрах Академии. Все они привнесены в науку системой партийно-государственного руководства, общей идеологизацией жизни страны.

Широко известно, что разгром советской биологии, подготовленный группой Лысенко, стал возможным лишь при прямой поддержке Сталина. Вопрос о проведении расширенного заседания Президиума АН по итогам сессии ВАСХНИЛ решался не Вавиловым, а был предопределен ЦК ВКП(б) буквально на второй день после завершения сессии. Мероприятия же по «укреплению» Отделения биологических наук АН СССР и академических биологических институтов определялись не учеными, а Отделом пропаганды и агитации того же ЦК ВКП(б). Хотя С. И. Вавилов и Л. А. Орбели приглашались на заседание в ЦК, но не они, а «победители» – Г. М. Маленков, Д. Т. Шепилов, П. П. Лобанов, Т. Д. Лысенко – сформулировали решение «признать неудовлетворительным состояние руководства со стороны Президиума Академии наук СССР и Отделения биологических наук биологическими учреждениями АН СССР»⁶⁴. Проект постановления, который будет оглашен на расширенном заседании Президиума АН СССР 24–26 августа 1948 г., составлялся накануне комиссией ЦК под председательством Маленкова.

Выступая на расширенном заседании Президиума АН по итогам сессии ВАСХНИЛ и на юбилее Лысенко, С. И. Вавилов отражал уже утвердившуюся официальную точку зрения, доводил до сведения ученых принятые решения партийных и государственных органов. Его же истинное отношение к генетике как к науке оставалось неизменным.

В обстановке разгрома биологических учреждений Президиум АН СССР проявил настойчивость и добился согласия ЦК ВКП(б), чтобы всем освобождаемым биологам и генетикам предоставили работу в других академических институтах или в научных учреждениях министерств и ведомств (правда, в полной мере осуществить это не удалось).

⁶⁴ Есаков В. Д. Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 г. // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., 1994. С. 73.

«Зараза» лысенковщины перекинулась и на другие отрасли отечественной науки. Слабо подготовленные, но полные карьеристских устремлений группировки, при прямой поддержке партийных органов и под прикрытием кампании «борьбы с космополитизмом» стремились захватить лидирующее положение во многих направлениях советской науки. Сопоставления и дискуссии были развязаны в математике и химии, геологии и космологии, физиологии и языкознании и других науках. Касаясь этого вопроса «для назидания будущих академических поколений», академик Л. А. Арцимович на Общем собрании АН СССР 28 декабря 1956 г. (о нем мы еще будем говорить) отмечал, что у нас

появилась тенденция возникновения научных школ, которые присваивали себе права целых отраслей науки, прикрываясь фамильными знаменами. Таким образом у нас возникла «павловская физиология», «мичуринская биология», «бутлеровское учение в органической химии» и т. д. Надо сказать, что никакой моральной доверенности от тех выдающихся ученых, именами которых прикрывались эти направления, на право использования этих имен в неблаговидных целях не имелось, а на самом деле это делалось затем, чтобы, пользуясь такими знаменами, прикрыть себя от критики и иметь возможность устрашать инакомыслящих. При этом, допуская такое положение вещей, мы компрометируем память великих ученых⁶⁵.

Подобно обсуждению «положения в биологической науке», готовилось и Всесоюзное совещание по методологическим проблемам развития физики, которое должно было пройти в начале 1949 г. под лозунгом борьбы с эйнштейнианством как идеалистическим направлением в физике. Во главе оргкомитета стоял А. В. Топчиев – замминистра высшего образования по кадрам, уже зарекомендовавший себя пропагандой решений сессии ВАСХНИЛ. Основным на совещании должен был стать доклад С. И. Вавилова «Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков». Его обсуждение состоялось на заседаниях оргкомитета 16 и 18 февраля 1949 г. Уже само название доклада было подвергнуто резкой критике. Его оппоненты требовали изменить название на «Идеологические проблемы...» с тем, чтобы в докладе прозвучала борьба с низкопоклонством перед буржуазной наукой, с космополитизмом и реакционной философией, что совершенно отсутствовало в первоначальном тексте доклада. В принятом решении Вавилону предлагалось, как это сформулировал Топчиев, «ярко показать, с одной стороны, роль труда В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а с другой – роль в несомненном коренном повороте в области развития советской интеллигенции работ тов. Сталина и Краткого курса истории ВКП(б). Это надо очень ярко показать... Классовая борьба, партийность в науке должны быть показаны...»⁶⁶. Словом, цензоров и советчиков мало волновало развитие самой физики – требовалась ее идеологизация. Но совещание не состоялось⁶⁷. У советской физики не нашлось «фамильного знамени».

В литературе, главным образом в работах по истории советской физики, распространено мнение, будто это совещание отменили вследствие активной

⁶⁵ Цит. по: *Несмеянов А. Н.* На качелях XX века. М., 1999. С. 237.

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 596. Оп. 2. Д. 174. Л. 611–613. Стенограмма.

⁶⁷ См.: *Сонин А. С.* «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1994.

позиции, занятой И. В. Курчатовым и другими физиками, работавшими над атомным оружием. Принять эту точку зрения мешает то обстоятельство, что весна 1949 г. – самый разгар работ над бомбой, она будет взорвана только в августе. Сомнения обуревали всех причастных к этим разработкам, и руководивший ими Л. П. Берия не позволил бы атомщикам отвлекаться на «мелочи»...⁶⁸

Следует иметь в виду, что было два самостоятельных подхода к рассмотрению вопросов развития отечественной физики. Первый – зима 1948–1949 гг., время деятельности оргкомитета по подготовке совещания физиков, а второй – 1951–1952 гг., после создания в декабре 1950 г. Отдела науки ЦК ВКП(б). В конце 1951 г. заведующий Отделом науки Ю. А. Жданов напишет большую записку «О положении в области науки и высшего образования» и направит ее Г. М. Маленкову, где выскажет резкую критику о положении в советской физике. Он утверждал: «Физико-математические науки, в особенности физика, являются в настоящее время передовой позицией идеологического фронта, ареной жестокой борьбы материализма с идеализмом»⁶⁹. Положение в физике вновь станет предметом оживленной дискуссии вскоре после похорон С. И. Вавилова. Вот когда вмешательство И. В. Курчатова и теперь уже более влиятельных, чем прежде, атомщиков, создателей советской атомной бомбы, будет решающим для дальнейшего развития физических исследований в стране.

Причиной отмены совещания явилось согласие С. И. Вавилова на создание в аппарате Президиума АН СССР Главного ученого секретариата. Он понимал, какой ущерб науке принесет планировавшееся совещание. Решение о создании Ученого секретариата было принято Секретариатом ЦК ВКП(б) 26 февраля 1949 г. На него был возложен контроль за выполнением планов научно-исследовательских работ институтов и учреждений Академии и заданий правительства, ведение дела по подбору кадров, «уделяя особое внимание укреплению слабых участков работы институтов и учреждений Академии»⁷⁰. 11 марта это решение вместе с персональным составом членов Ученого секретариата утверждено Политбюро ЦК ВКП(б)⁷¹. Создание такого органа – прямое вторжение партийно-политических структур в академическую деятельность. Ему становилась подконтрольной и деятельность самого Президиума, поскольку в число ученых секретарей вошел тогда еще завсектором науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов. Главным ученым секретарем был назначен А. В. Топчиев. Утверждение Ученого секретариата Президиума АН СССР с его контрольно-карательными функциями, внесение изменений в Устав Академии, избрание Топчиева академиком и привели к отмене планировавшегося совещания физиков весной 1949 г. Оно стало не столь актуальным, поскольку «идеологизаторы» получили доступ к управлению наукой. Таким образом, усилиями С. И. Вавилова удалось предотвратить публичный разгром физики, и в оставшиеся месяцы его президентства этот вопрос более не поднимался.

⁶⁸ Есаков В. Д. Мифы и жизнь // Наука и жизнь. 1991. № 11. С. 110–118; см. также: Сергей Иванович Вавилов. Новые штрихи к портрету. М., 2004. С. 134–145.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 2. Л. 131.

⁷⁰ Там же. Оп. 116. Д. 418. Л. 44.

⁷¹ Академия наук в решениях Политбюро... С. 401.

Академия в первой половине 1950-х гг.

16 февраля 1951 г. президентом Академии наук СССР единогласно был избран академик А. Н. Несмеянов. Являясь с 1944 г. членом ВКП(б), он стал первым президентом АН СССР – коммунистом. Практически весь первый год он посвятил ознакомлению «с огромным организмом Академии наук», который он, по собственному признанию, «знал лишь очень поверхностно»⁷². С некоторыми выводами о деятельности Академии А. Н. Несмеянов поделился на Годичном собрании АН СССР 1 февраля 1952 г. Он говорил, что «основной вопрос – вопрос здоровья и процветания Академии – это связь ее с крупнейшими узловыми моментами практики – нашей промышленности, нашего культурного строительства. Но крупные и узловые вопросы можно решать только крупными, хорошо координированными и по-современному вооруженными силами». Он говорил о примерах «нелепых отношений конкуренции между академическими и отраслевыми институтами» и отмечал, что ряд академических институтов по уровню научного вооружения отстал от «быстро идущих вперед родственных отраслевых. А за моральной усталостью научного вооружения неизбежно следует и научное отставание». В целях успешного развития академических исследований президент АН СССР отмечал необходимость внимания на развитие точек роста – пограничных областей знания и предложил создать в Академии новые научные учреждения, позволяющие лучше организовать научный труд, такие как Вычислительный центр и Институт научной информации, а также исследовательские Институт электроники и Институт биофизики⁷³. Эти научные учреждения были созданы в 1952 г. За два года своего президентства А. Н. Несмеянов ни разу не был принят главой партии и государства Сталиным.

Сразу после смерти Сталина Президиум АН СССР, отдельные ученые начали обращаться в ЦК партии и правительство с предложениями о снятии секретности с теоретических исследований, об устранении недостатков в организации и проведении научных дискуссий, о расширении международных научных связей и т. п. Эти обращения привели к ослаблению партийно-государственного диктата в отношении науки. Уже в марте 1953 г. ликвидирован Ученый секретариат Президиума АН СССР, являвшийся прямым вторжением командно-административной системы в развитие академической науки, и проведена реорганизация деятельности Отдела науки ЦК КПСС. В 1953 г. уже началось освобождение из заключения осужденных ученых, в том числе академиков химика А. А. Баландина и физиолога Л. С. Штерн, члена-корреспондента геолога А. Г. Вологодина, а следом реабилитировали академиков Н. И. Вавилова, Н. П. Горбунова, Н. М. Тулайкова и других.

В середине 50-х гг. изменение общественно-политических условий в стране, критика культа личности Сталина, провозглашение принципов коллективно-руководства оказали благотворное влияние на положение науки, на рост самосознания научных работников. Весьма показательны в этом отношении письма академика П. Л. Капицы о положении советской науки и их обсуждение Президиумом АН. В 1954 г. по предложению Президиума был принят новый подход к планированию научной работы, в результате которого

⁷² Вестник АН СССР. 1952. № 2. С.15.

⁷³ Там же. С. 12–16.

крупнейшие ученые совместно с компетентными деятелями промышленности дали анализ современного состояния науки и наметили разработку важнейших проблем в каждой области знания. Единая серия разработанных проблем в области естественных и технических наук в то время получила название «Вопросы советской науки». Этот опыт планирования – без соответствующих общепартийных и правительственных директив – не получил тогда дальнейшего развития. А. Н. Несмеянов вынужден был констатировать, что

эта работа не вызвала полного удовлетворения у ее участников. Привлекая к ней широкий круг неакадемических ученых и деятелей техники, мы рассчитывали спланировать таким образом совместную научную работу институтов Академии. Однако наши записки по проблемам в силу внешних обстоятельств не были рассмотрены директивными органами и не обрели силу закона для министерств. Пока нам пришлось ограничиться их более скромным внутриакадемическим значением. Работа эта в целом была, несмотря на неполно достигнутую цель, исключительно плодотворна...⁷⁴

Этот опыт Академии оказал влияние на дальнейшее планирование научно-технического развития СССР.

Академия наук в те годы не только приняла участие в ряде всесоюзных совещаний, конференций и собраний по вопросам технического прогресса в промышленности и внедрения в производство достижений науки и новой техники, но и тщательно обсудила эти вопросы на собрании научного актива АН СССР, состоявшемся 25–26 мая 1955 г. На совещании были подняты вопросы о дальнейшем развитии самой Академии. Среди них прозвучала и критика деятельности Президиума АН за невыполнение ряда важных работ и ответственности научного труда ученого, отмечены недостатки в работе аспирантуры и докторантуры. Академик Л. А. Арцимович предложил схему подготовки молодых ученых, начиная с работы студентов над дипломными заданиями. Живой отклик встретил поднятый им вопрос о размещении научных учреждений, которые концентрировались лишь в нескольких крупных центрах страны.

Следует отметить, что характерной особенностью развития советской науки тех лет являлось то, что она достигла такого уровня, когда ее перестал удовлетворять имевшийся «научный задел», не только отечественной, но и мировой науки. Необходимо было искать новые пути научного творчества. Возрастание роли и значения Академии наук наглядно проявилось в росте ее научных кадров. За первую половину 50-х гг. число научных работников увеличилось примерно вдвое (на 16809 человек, или на 92,6 %) и достигло почти 35 тысяч человек⁷⁵. Академик А. Н. Несмеянов в своей речи на XX съезде КПСС – первом официальном выступлении президента Академии на съездах партии 17 февраля 1956 г. – отмечал, что средний возраст научных работников снизился с 41 года до 38 лет. За 1951–1955 гг. в составе АН СССР было организовано 24 крупных научно-исследовательских института и их общее число вместе с филиалами достигло 126. На сессии АН СССР в июле 1955 г. впервые с открытыми докладами выступили ученые-атомщики. Международная научно-техническая конференция по мирному использованию атомной

⁷⁴ Там же. С. 40.

⁷⁵ Там же. 1956. № 3. С. 8; Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1956. Д. 26. Л. 27.

энергии, созданная ООН в Женеве в августе 1955 г. с участием ученых и инженеров из 79 стран, на которой советские ученые выступили с 70 докладами, способствовала повышению престижа советской науки и авторитета нашей страны. Этому содействовали и успехи в развитии радиоэлектроники, ракетной техники, создании квантовых генераторов, а также формирование научной программы исследования космоса, участие в проведении Международного геофизического года и другие направления развития советской науки.

XX съезд КПСС и Академия наук

Заметим, что история развития советской страны и история отечественной науки второй половины XX в. остаются наименее изученными. Информация о деятельности Академии ограничивается, как правило, публикацией отчетных материалов в ее «Вестнике». Издания трудов академиков и биографических материалов о них лишь в незначительной мере позволяют расширить сложившиеся представления и показать их реальный вклад в развитие и проведение научной политики.

Делаются лишь первые шаги по введению в научный оборот архивных материалов. Так, в сборнике «Доклад Н. С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы» впервые опубликован комплекс рассекреченных материалов о его подготовке, документы о противоречивых попытках десталинизации страны и реакции на решения съезда, а также «секретный» доклад Хрущева в стране и за рубежом. Творческая интеллигенция восприняла решения съезда как провозглашение научной и творческой свободы. Предпринимались попытки расширить критику «культы личности» и перенести ее на существующую систему. Одна из таких попыток была на закрытом партийном собрании в Теплотехнической лаборатории АН СССР, состоявшемся 23 и 26 марта 1956 г. В сборнике впервые публикуются материалы о ходе этого партсобрания и характере основных выступлений. Научные сотрудники ставили вопрос об отсутствии в докладе Хрущева причин, приведших к культуре личности, критиковали существующий режим, чрезмерную секретность, карательную политику, общие слова о преимуществе социализма над капитализмом, отмечали, что партия пронизана духом рабства и подхалимства, и т. п.⁷⁶ В постановлении ЦК КПСС выступления научных сотрудников Теплотехнической лаборатории названы враждебными вылазками, Р. Г. Авилов, Ю. Ф. Орлов, В. Е. Нестеров и Г. И. Щедрин исключены из партии, а сама парторганизация распущена и после перерегистрации ее членов создана вновь⁷⁷. На собрании Института востоковедения АН СССР говорилось, что члены Политбюро несут ответственность за положение, сложившееся в партии, и выдвигалось предложение о проведении дискуссии по докладу Хрущева⁷⁸. На партийном собрании Института права АН СССР резкой и развернутой критике подверглись работы академика А. Я. Вышинского, и институт возбудил ходатайство о снятии его имени из названия института⁷⁹.

⁷⁶ Доклад Н. С. Хрущева о культуре личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 448–462.

⁷⁷ Там же. С. 288–290.

⁷⁸ Там же. С. 511.

⁷⁹ Там же. С. 515.

Политическое значение XX съезда для дальнейшего развития советской страны было несомненно. Оно проявилось и в практической деятельности Академии наук. Вскоре после съезда окончательно был решен вопрос о создании Объединенного института ядерных исследований в Дубне, организован Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, учреждены Ленинские премии за особо выдающиеся научные труды, изобретения, произведения литературы и искусства. И. В. Курчатов выступил со знаменитой лекцией в Харуэллском центре ядерных исследований Великобритании. Возросшая активность деятелей науки проявилась в организации весной 1956 г. собраний актива ученых АН в Ленинграде (16–17 апреля), Новосибирске (24–25 апреля) и Москве (7–8 мая). С докладом в Ленинграде выступил главный ученый секретарь АН СССР академик А. В. Топчиев, а в Новосибирске и Москве – президент АН СССР академик А. Н. Несмеянов. В прениях по докладам были проанализированы успехи и недостатки в развитии науки, определены пути дальнейших исследований и совершенствования организации науки⁸⁰. Предложения, содержащиеся в выступлениях ученых, обсуждались на заседаниях Президиума АН СССР и по многим из них приняты развернутые постановления⁸¹.

Рост самосознания членов Академии

Принципиальность вопросов на этих активах можно наглядно показать на примере выступления в Москве академика П. Л. Капицы, который сосредоточил внимание на проблеме лидерства в науке и на общих проблемах организации науки⁸². Отмечая критическую направленность выступлений на активе, П. Л. Капица заметил:

То, что каждый из нас критикует положение дел в своей области, – это признак здорового роста нашей науки, и, конечно, мы будем это всегда делать – и через 10, и через 100 лет – и всегда находить в ней недостатки, которые нужно устранить. Это естественная диалектика нашего роста⁸³.

Он так оценивал современное состояние науки:

...мы можем сказать с полной объективностью, что нет такой области в мировой науке, которую наши ученые не могли бы сегодня полноценно освоить. Может быть, наши темпы будут невелики, может быть, это будет более дорого стоить, но вести изучение любых проблем в любой области знаний мы сейчас можем, и это большое достижение нашей науки в целом. Это не хвостовство, это может быть доказано многими фактами⁸⁴.

На ряде примеров П. Л. Капица показывал, что «Академия далеко еще не справляется с идейно-творческим руководством наукой и обычно работает

⁸⁰ Вестник АН СССР. 1956. № 6. С. 3–50.

⁸¹ Там же. 1956. № 7. С. 68; № 8. С. 81; № 9. С. 85–86.

⁸² Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. Статьи, выступления. 3-е изд. доп. М., 1981. С. 176–185.

⁸³ Там же. С. 177.

⁸⁴ Там же.

по образцу министерско-бюрократического учреждения»⁸⁵. В заключение он сказал:

Я не думаю, что Академию надо разделить и создать у нас отдельное министерство науки, — это еще рано, а может быть, и совсем не нужно. Но надо создать административно-хозяйственный совет в Академии, который был бы ответственен перед Президиумом, но существовал как самостоятельный орган, который только бы занимался финансами, администрацией, строительством, жилфондом и проч., т. е. всем научным и бытовым хозяйством Академии наук. Этот орган необязательно состоял бы из одних членов Академии наук.

Я предлагаю конкретно: сделать Президиум настоящей авторитетной научной организацией, идейно руководящей наукой в нашей стране и, конечно, консультирующей наше правительство по всем вопросам, требующим научной оценки...⁸⁶

Реализация предложений ученых в значительной мере зависела от общей политики партийно-государственного руководства наукой, которое политизировало многие подходы к совершенствованию организации советской науки, создав в мае 1957 г. Государственный научно-технический комитет Совета Министров СССР. На его базе в апреле 1961 г. был организован Государственный комитет СМ СССР по координации научно-исследовательских работ, переименованный в марте 1963 г. в Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ СССР, а затем преобразованный в Государственный комитет СМ СССР по науке и технике. Проблема взаимоотношений Академии наук с этими государственными органами в период блистательных успехов советской науки — в 1950-1960-е гг. — заслуживает тщательного изучения.

Возросшее самосознание членов Академии, их забота об авторитете Академии и требовательность к правильности проводимого ею курса наглядно проявились в ходе подготовки и проведения перевыборов академика А. Н. Несмеянова на пост президента АН СССР. Его полномочия как президента (по Уставу президент избирается на пятилетний срок) истекли в феврале 1956 г. Решение Президиума ЦК КПСС рекомендовать Президиуму Академии кандидатуру А. Н. Несмеянова для переизбрания на следующее пятилетие состоялось 31 мая этого же года. Общее собрание АН СССР по выборам президента было намечено на 13 октября 1956 г. По существующей традиции кандидатура нового президента предварительно обсуждалась на общих собраниях всех восьми отделений. В семи отделениях кандидатуру А. Н. Несмеянова на пост президента выдвинули единодушно, в Отделении физико-математических наук его кандидатура также была выдвинута большинством, но в ходе обсуждения высказывались серьезные замечания. Общее собрание Отделения ФМН состоялось 10 октября. На нем присутствовали 35 академиков и членов-корреспондентов. Собрание открыл академик-секретарь отделения М. А. Лаврентьев. Он кратко охарактеризовал деятельность академика А. Н. Несмеянова и внес предложение выдвинуть его в качестве кандидата на пост президента. Это предложение поддержали академики М. В. Келдыш,

⁸⁵ Там же. С. 181.

⁸⁶ Там же. С. 184–185.

С. А. Лебедев и члены-корреспонденты Е. К. Федоров и М. А. Садовский. Однако предложение об избрании академика А. Н. Несмеянова президентом встретило, как писал А. В. Топчиев в записке в ЦК КПСС,

организованное сопротивление со стороны группы академиков-физиков: И. Е. Тамма, М. А. Леонтовича, Л. А. Арцимовича, Г. С. Ландсберга, П. Л. Капицы, которые, судя по их выступлениям, поставили перед собой задачу сорвать выборы президента, назначенные на 13 октября с.г., и провести их в феврале 1957 г. на Годичном собрании Академии ⁸⁷.

Академик И. Е. Тамм мотив, побудивший его выдвинуть предложение об отсрочке выборов, объяснял необходимостью демократизации руководства Академией, возрождения коллегиальности, проведения правильной научной политики и устранения недостатков в деятельности Президиума АН. Он отмечал, что годичные доклады главного ученого секретаря не обсуждаются, Общее собрание не выполняет своей руководящей роли, что нельзя восполнить собраниями актива ⁸⁸. На заседании широко известного семинара П. Л. Капицы в Институте физических проблем в феврале 1956 г. по вопросам развития биологии ⁸⁹ и на заседании ОФМН И. Е. Тамм упрекал Президиум АН, что до сих пор не создан Институт генетики для члена-корреспондента АН СССР Н. П. Дубинина, не поддержано предложение отделения о переводе Института земного магнетизма в Академию наук, что аппарат Президиума «неповоротлив и не справляется с делом». Академик М. А. Леонтович также возложил на А. Н. Несмеянова ответственность за положение в биологической науке, за то, что он не «проявил достаточной научной принципиальности» в вопросе о так называемой теории химического резонанса, навязанном Академии наук, что президент слабо отстаивает интересы Академии в правительстве. Академик Л. А. Арцимович свое выступление также начал с вопросов биологии, поставив в вину А. Н. Несмеянову вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Мичурина, упрекал его в «мягкотелости» при отстаивании академических интересов и в том, что в Академии недостаточно развита коллегиальность. Академик П. Л. Капица поддержал предложение И. Е. Тамма отложить выборы президента и заявил: «демократию мы должны завоевывать, она нам на голову не свалится».

А. В. Топчиев в упомянутой записке в ЦК КПСС писал:

Из выступлений на общем собрании и из высказываний академиков-физиков в частных беседах следует сделать вывод, что цель их – заставить президента «стать на колени», дать ряд обязательств Отделению физико-математических наук, прочувствовать, что он находится в зависимом положении. Других кандидатов на пост президента на собрании не называлось, хотя академик М. А. Леонтович в реплике с места мотивировал необходимость отложить выборы тем, что в противном случае не будет времени для подготовки нового кандидата. Все выступавшие, так или иначе, отмечали положительные качества академика А. Н. Несмеянова, отдавали должное его научным заслугам ⁹⁰.

⁸⁷ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 127. Л. 14. Подлинник.

⁸⁸ Вестник АН СССР. 1956. № 11. С. 9; Воспоминания о И. Е. Тамме. М., 1981. С. 224.

⁸⁹ Н. В. Тимофеев-Ресовский на семинаре у П. Л. Капицы / Публ. П. Е. Рубинин, предисл. В. В. Бабкова // ВИЕТ. 1990. № 3. С. 81–87.

⁹⁰ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 127. Л. 16–17.

В результате тайного голосования за предложение М. А. Лаврентьева выдвинуть А. Н. Несмеянова кандидатом на пост президента было подано 18 голосов и против – 16, а за предложение И. Е. Тамма отложить выборы президента до программного доклада А. Н. Несмеянова и обсуждения его на Общем собрании Академии проголосовали соответственно 22 и 12 членов отделения. Поскольку оба предложения собрали более половины голосов, собрание признало их действительными⁹¹.

Общее собрание АН СССР по выборам президента состоялось, как и было намечено, 13 октября 1956 г. На нем прозвучало и мнение Отделения ФМН. Академика А. Н. Несмеянова избрали на новый срок большинством голосов (из 88 академиков 17 проголосовали против). Общее собрание постановило просить президента выступить с программным докладом о положении Академии наук и путях ее дальнейшего развития.

Выполняя решение Общего собрания АН СССР, академик А. Н. Несмеянов подготовил обстоятельный доклад «Об основных направлениях в работе Академии наук СССР», который вместе со статистическим материалом предварительно был разослан всем академикам. Доклад и его обсуждение состоялись на Общем собрании Академии наук 28 декабря 1956 г.⁹² Это уникальное событие в истории отечественной Академии, когда сообщество ее действительных членов потребовало от президента его собственного мнения об итогах деятельности за прошедшее пятилетие и перспективах на новый срок. Доклад был внутриакадемическим событием, в него не посмели вмешаться ее кураторы. Следует обратить внимание и на дату проведения этого собрания. Она максимально приближена к традиционной дате годовых собраний Академии и проведения академических юбилеев в XVIII и XIX вв. – 29 декабря. Это событие не привлекло внимание историков и пропагандистов науки, несмотря на обилие публицистических и общих работ по научно-технической революции середины XX в. На него распространялась та «фигура умолчания», которая и до сих пор покрывает многие важнейшие свершения Академии наук в рамках общегосударственной секретности. К тому же отчет об этом собрании, опубликованный в «Вестнике АН СССР» (1957, № 2), рождает немало вопросов, на которые исследователи не могли получить ответы. Предпринимавшаяся в течение ряда лет попытка получить доступ к полному тексту доклада не увенчалась успехом. Он до сих пор не опубликован. Но после того как сам А. Н. Несмеянов включил в свои воспоминания «На качелях XX века» текст выступления на Общем собрании АН, фрагменты письменного доклада, разосланного его участникам, а также привел выступления некоторых участников дискуссии – академиков А. Ф. Иоффе, Л. А. Арцимовича, И. Е. Тамма, Т. Д. Лысенко, члена-корреспондента АН СССР Л. А. Зенкевича – и воспроизвел свое заключительное слово⁹³, появился конкретный материал, без которого не может обойтись историк науки XX в., особенно его послевоенного периода.

Прямым последствием этого события для работы самой Академии явилось то, что перед Годичным собранием 1957 г. впервые за послевоенные годы был отпечатан отчетный доклад Президиума АН СССР и предварительно ра-

⁹¹ Там же.

⁹² АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 92.

⁹³ Несмеянов А. Н. На качелях XX века... С. 175–254.

зослан членам Академии и ее руководящим работникам. Это позволило заблаговременно познакомиться с ним и на заседаниях, подвергнув его широкому обсуждению, сосредоточить внимание на более общих вопросах развития науки. На этом годичном собрании произошло и изменение в процедуре его проведения. Не было обычного развернутого вступительного слова, президент лишь открыл заседание и по традиции предложил почтить память умерших за истекший год членов Академии. Подобного порядка придерживались в основном и последующие президенты Академии.

О строительстве научных учреждений

В середине 50-х гг. для развития деятельности Академии и всей советской науки особое значение имело развернувшееся строительство научных учреждений. По рекомендации правительства строительство академических институтов предполагалось осуществить за пределами Москвы в виде научного городка. Первый такой проект был разработан прежде всего для биологических институтов, большинство из которых ютилось в одном здании на Ленинском проспекте, 31. Место выбирал президент АН академик Несмеянов⁹⁴. Впервые решение «О строительстве научного городка Академии наук СССР в Серпуховском районе Московской области» было принято в апреле 1956 г. Академии разрешалось построить в 1956-1960 гг. в Пущине научный городок и ряд научно-исследовательских институтов: биологической физики, микробиологии, биологической химии животных, физиологии растений, элементо-органических соединений, химии редких элементов, химии природных соединений и физики атмосферы, а также жилые и культурно-бытовые здания для сотрудников.

Вскоре к президенту Академии А. Н. Несмеянову пришел академик-секретарь Отделения химических наук Н. Н. Семенов с заявлением, что работы его института по горению и взрывам требуют полигона, и некое ведомство готово предоставить стройплощадку и осуществить строительство за свой счет. Президент согласился, и началось строительство комплекса Черноголовки близ Ногинска на болотах в еловом лесу. Через год, став лауреатом Нобелевской премии, Н. Н. Семенов предложил широкий план строительства там институтов химического профиля уже за счет ассигнований Академии. Строительство Черноголовки обогнало строительство в Пущине и внесло коррективы в целостность его комплекса за счет физико-химической части. Еще более серьезный «удар» пущинское строительство получило после решения правительства об организации Сибирского отделения АН СССР. Академики М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович обратились со своей инициативой непосредственно к Н. С. Хрущеву, и положительное решение было принято без консультации с Академией наук. Уже начатое строительство в Пущине свелось к минимуму и возобновилось лишь через несколько лет, по завершению строительства Новосибирского академгородка. «“Благодаря” соперничающим стройкам в Новосибирске и под Ногинском, – писал академик А. Н. Несмеянов, – ввод в строй главного наступательного оружия в борьбе с Лысенко задержался так надолго, что потерял

⁹⁴ Там же. С. 166–168.

смысл: Лысенко сошел со сцены гораздо раньше окончания пушинского строительства»⁹⁵.

Создание Сибирского отделения АН СССР – это важнейший этап в организационном строительстве советской науки. Оно достаточно широко исследовано историками науки, главным образом – его сотрудниками. Заметим только, что на начальной стадии обсуждения его места и роли в системе научных учреждений страны сама эта идея чуть не привела к кризису, когда Н. С. Хрущев на заседании в Кремле поднял вопрос, не следует ли Сибирское отделение превратить в АН РСФСР. Действительно, все советские республики, кроме РСФСР, имели свои академии наук. Но появление такой Академии в Новосибирске привело бы к неконтролируемым последствиям – соперничеству двух академий и ее членов, развертыванию сети научных учреждений в крупных центрах республики, в том числе в Москве и Ленинграде, необходимости пересмотра всей ведомственно-отраслевой сети научно-исследовательских институтов и т. п. Соображения А. Н. Несмеянова, высказанные на том заседании, да последовавшее избрание председателя СО академика М. А. Лаврентьева вице-президентом АН СССР сняли этот вопрос.

Возрастание роли науки в обществе и возросший авторитет Академии наук содействовали тому, что впервые за годы советской власти она сама избрала комиссию по совершенствованию Устава своей организации и внесла изменения в уточнение функций Академии, расширение прав отделений, руководителей научных учреждений, членов Академии и ее сотрудников. Положения нового Устава были рассмотрены и утверждены Общим собранием АН СССР, который вступил в действие с 31 марта 1959 г. Но этот Устав действовал недолго. Принятые вскоре новая программа партии и широко известные постановления СМ СССР и ЦК КПСС о координации научно-исследовательских работ и деятельности Академии наук СССР привели, как тогда говорили, к органическому соединению достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, что было отражено и в последнем советском Уставе Академии наук СССР 1963 г.

Хотя конец 1950-х гг. ознаменовался выдающимися успехами отечественной науки и техники, ярчайшими примерами которых явились запуск искусственных спутников Земли и полет Ю. А. Гагарина в космос, взаимоотношения Академии и власти, и прежде всего А. Н. Несмеянова и Н. С. Хрущева, к началу 1960-х гг. настолько обострились, что привели к прямой угрозе роспуску Академии. Конфликт весной 1961 г. из-за разногласий в отношении к Лысенко и развитию биологии, а также по вопросам структуры Академии, отпусков ученым, платы за звание и т. п. был ликвидирован с уходом академика А. Н. Несмеянова со своей должности. В июне 1964 г. на Общем собрании АН СССР после выступлений В. А. Энгельгардта, А. Д. Сахарова и И. Е. Тамма лысенковец Н. И. Нуждин не прошел в члены-корреспонденты. Возмущенный Хрущев на пленуме ЦК КПСС заявил:

Товарищи, для политического руководства, я считаю, у нас достаточно нашей партии и Центрального Комитета, а если Академия наук будет вмешиваться, мы разгоним к чертовой матери Академию наук, потому что Академия наук, если так говорить, нам не нужна, потому что наука должна быть в от-

⁹⁵ Там же. С. 172.

раслях производства, там она с большой пользой идет, это нужно было для буржуазного русского государства, потому что этого не было. Сейчас, в социалистических условиях, это изжило себя, это придаток и проявляет он себя довольно плохо ⁹⁶.

Лишь снятие Хрущева предотвратило разгон Академии.

Вновь Российская

Президентства академиком М. В. Келдыша и А. П. Александрова проходили в основном в период «брежневской стабилизации». В это время в системе Академии наук серьезных изменений не произошло. Академия много времени уделяла перспективному планированию и прогнозированию научной деятельности, возросла ее роль в решении «оборонных концепций» в создании ракетно-ядерного щита и достижении паритета с американцами, финансирование военных разработок было использовано и для устранения отставания в ряде направлений фундаментальной науки и т. п. В целом своим положением великой мировой державы СССР во многом был обязан достижениям отечественной науки и деятельности Академии наук.

Катастрофа в Чернобыле резко отразилась на атомной энергетике, сказалась и на общем негативном отношении к достижениям науки. Однако ведущее положение Академии наук в системе научной организации страны, наличие в ней сильных исследовательских коллективов и научных школ, обширная сеть научных учреждений, солидная экспериментальная база и развитая инфраструктура обеспечили ей выживание в кризисные годы.

К началу 1990-х гг. в 360 научных учреждениях Академии работало около 65 тыс. научных сотрудников. На завершающем этапе перестройки в условиях трансформации общественных отношений указом Президента СССР от 23 августа 1990 г. «О статусе Академии наук СССР» утверждено, что Академия наук – общесоюзная самоуправляющаяся организация, самостоятельно руководящая деятельностью своих научных учреждений.

В связи с объявлением суверенитета России было решено создать параллельно с Академией наук СССР и Академию наук РСФСР, об этом гласил указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1990 г. «Об учреждении Академии наук Российской Федерации». Попытки в этот момент распустить общесоюзную Академию по аналогии с ликвидацией союзных структур не увенчались успехом. Решающую роль в сохранении кадров отечественной науки и академической системы научных учреждений сыграл указ президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. «Об организации Российской Академии наук» на базе Академии наук СССР и Академии наук РФ. Основные вехи истории Академии наук за период с 1991 г. по 2001 г. достаточно подробно отражены в книге, подготовленной к десятилетию воссоздания Российской академии наук ⁹⁷. И все же следует отметить, что с того времени научное академическое сообщество и система учреждений Академии находятся в стадии затянувшегося реформирования.

⁹⁶ Афиани В. Ю., Илизаров С. С. «...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук» // ВИЕТ. 1999. № 1. С. 168.

⁹⁷ См.: Российская Академия Наук. 1991–2001. М., 2002.

4 декабря 2006 г. президент РФ В. В. Путин подписал указ о внесении изменений в закон «О науке и государственной научно-технической политике». Закон и основные его положения – предмет особого внимания организаторов науки и ее историков. Но одно из важнейших положений этого акта сразу было обнародовано СМИ – президент РАН после его избрания на Общем собрании теперь будет утверждаться лично главой государства, а президенты отраслевых академий наук – правительством РФ. В условиях государственной научно-технической политики принятое положение об утверждении президента РАН становится, несомненно, более демократичной процедурой, чем это было при партийно-правительственном руководстве наукой в советские годы. Теперь общее собрание академиков будет само обсуждать и тайно баллотировать наиболее приемлемую для руководства высшим научным учреждением страны личность, а не воспринимать и тайным голосованием лишь одобрять навязанную и удовлетворяющую власть персону, как было в отмеченном нами случае с избранием президентом АН СССР В. Л. Комарова, или когда кандидатура его преемника С. И. Вавилова утверждалась И. В. Сталиным на основе анализа, проведенного Л. П. Берия, а следующий президент должен был быть непременно членом партии, его же замена вызвана неприязненным отношением Н. С. Хрущева, грозившего разгоном Академии. Есть основание надеяться, что вновь установленный механизм взаимодействия науки и власти плодотворно отразится как на направлениях научно-исследовательской деятельности Российской академии наук, так и на вкладе отечественных ученых в развитие экономики и культуры страны.

Вне зависимости от проходящей реорганизации деятельности Академии насущной задачей для руководства РАН в современных условиях является необходимость приступить к написанию истории Российской академии к ее 300-летию, которое будет отмечаться в 2024 г.

История Российской академии наук – это обобщение исторического наследия и анализ наиболее значимых проектов и оценок ее выдающихся членов – М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, Л. Эйлера, Д. И. Менделеева, С. Ф. Ольденбурга, В. И. Вернадского, И. П. Павлова, братьев Вавиловых, П. Л. Капицы и многих других, анализ реальных событий развития высшего научного учреждения в нашей стране, идейно-политических и научно-организационных основ многих сторон истории российского общества, раскрытие характерных черт в развитии отечественной науки и ее вклада в мировой прогресс человеческого знания, показ непрерывности научного творчества в России и его влияния на развитие образования и национальной культуры, определяющей роли в исследовании и использовании природных богатств страны. История Академии наук – это и история ее отношений с властью в разные эпохи и в разных социально-экономических условиях.

Написание истории РАН – это освещение практической деятельности Президиума Академии и его органов, показ формирования кадров деятелей науки, раскрытие динамики ее исследовательских учреждений и структурных подразделений. Конкретная логика развития истории Академии наук отражена в общеакадемической плановой, отчетной и издательской документации, имея в виду, что изучение реальных отраслей академического знания – самостоятельные области исследования, которые могут (и должны) изучаться параллельно.

Создание истории Российской академии наук, несомненно, должно стать государственным проектом. Основой написания должна стать логика истории-

ческого развития, а не критическая переоценка ошибок и противоречий в ее освещении; возникших в результате субъективных оценок или внешних воздействий. Историческая разработка развития Академии наук должна осуществляться с приоритетным использованием архивных материалов, а это потребует содействия в их рассекречивании. В этой связи следует отметить, что президент РФ В. В. Путин 4 декабря 2006 г. также подписал и федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации». Эта связь представляется весьма важной для научной разработки истории Российской академии наук.

В заключение мы хотели бы вновь вернуться к трудам одного из самых выдающихся творцов науки минувшего столетия академика В. И. Вернадского, который в работе «Наука как планетное явление», написанной в 1937–1938 гг. и полностью опубликованной только в условиях перестройки и развития гласности, отмечал:

В результате долгих споров о существовании прогресса, непрерывно проявляющегося в истории человечества, можно сейчас утверждать, что *только в истории научного знания существование прогресса в ходе времени является доказанным*. Ни в каких других областях человеческого быта, ни в государственном и экономическом строе, ни в улучшении жизни человечества – улучшении элементарных условий существования всех людей, их счастья – длительного прогресса с остановками, но без возвращения вспять, мы не замечаем. Не замечаем мы его и в области морального философского и религиозного состояния человеческих обществ. Но в ходе научного знания (...) мы это ясно видим ⁹⁸.

Именно труды академика В. И. Вернадского могут стать источником и методологической основой научного подхода к написанию истории Российской академии наук.

⁹⁸ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 49.

Г. И. СМАГИНА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ НАУК В XVIII В.*

13 августа 1759 г. конференц-секретарь Академии наук академик Г. Ф. Миллер писал помещику Оренбургской губернии П. И. Рычкову:

Вы получите диплом на принятия вас в корреспонденты. Это служит доказательством, как умеет ценить Академия, с одной стороны, ваши заслуги и то, что уже сделано вами для споспешествования наукам, а с другой стороны, как желает она на будущее время пользоваться вашим усердием и ревностью. Вы еще первый в России достигаете такой чести и получаете звание это не искательствами, не происками своих друзей – лично вы не известны никому из Академии. Вас знают только по вашим сочинениям и усердию, выказываемому вами в споспешествовании наукам и общему благу, и, наконец, по вашей теперешней переписке со мною, в особенности полезной Академии. Эти обстоятельства придают диплому истинную его цену. Ныне от вас зависит, чтобы надежда, возлагаемая на вас Академиею, возросла еще более. Если же она чем-либо другим в состоянии оказать вам угодное, то как его сиятельство г. президент (граф К. Г. Разумовский), так и все наше общество, равно как и каждый член его в отдельности, исполнят это с удовольствием¹.

Петр Иванович Рычков (1712–1777) географ, натуралист, историк и экономист был автором многих печатных трудов, вышедших отдельными изданиями и публиковавшихся в научных журналах того времени. Больше 40 лет он провел в пустынном тогда Оренбургском крае, где вместе с видными государственными деятелями петровской эпохи И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым стал первопроходцем этого края и исследователем его природных богатств². Рычков прошел долгий и сложный путь государственного служащего: от скромного бухгалтера до правителя Илецкого соляного промысла и екатеринбургских казенных заводов. Интерес к познанию, любовь к науке подтолкнули его к самостоятельным научным занятиям. Выполняя служебные обязанности, он находил время для изучения природы Оренбургского края, описывал месторождения полезных ископаемых, условия земледелия и местные народные промыслы. Первая печатная работа Рычкова вышла в свет в феврале 1755 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Это было начало его статьи о коммерции³. В редакционном послесловии из-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-03017а.

¹ Пекарский П. П. Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии // Торжественное собрание Академии наук 29 декабря 1865 г. СПб., 1866. С. 75.

² Матвиевский П. Е., Ефремов А. В. Петр Иванович Рычков. М., 1991.

³ Рычков П. И. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Письмо 1-ое // Ежемесячные сочинения. 1755. Февраль. С. 105–122.